Годъ изданія II-й. Августъ 1917 г. Цѣна отдѣльнаго номера 80 к.

СЛОВО ИСТИНЫ

Двухнедѣльный журналъ баптистовъ, посвященный обновленію жизни на Евангельскихъ основахъ.

КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ:
МОСКВА, Покровка, Дегтярный. пер. 8, кв. 143.
Телефонъ 4-44-72.
Пріемъ въ редакціи ежедневно отъ 11 до 2 ч.

№ 5—6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
Съ 1 мая до конца года . . . 6 р.
За 4 мѣсяца . . . . . 3 р.
За границу вдвое
Перемѣна адреса . . . . . 30 к.
Объявленія по соглашенію.

СОДЕРЖАНІЕ:

Отъ редакціи.—На распутьи.—Подъ „благовѣсть“ колоколовъ.—*В. Фетлеръ:* Революція и религія въ Россіи.—*П. Николаевъ:* Стихотвореніе. — *І. Брихничевъ:* Царство Божіе близко. — *М. Александровъ:* Жизнь и человѣкъ.—*И. В. Карпель:* Грѣхъ, какъ зло всѣхъ золъ въ этомъ мірѣ.—*Е Офрова:* Стихотвореніе. — *Тимо:* Пустосвятство. — *Р. Хомякъ:* Женщины Ветхаго Завѣта: Ева.—*М. Тимошенко:* Въ Нарымскій край.—Обзоръ печати. — *По Россіи:* Высылка Николая II.—Дѣло Сухомлинова. — **Baptist**: Мысли вслухъ. — На Нивѣ Божіей. — Объявленія.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Озабочиваясь болѣе широкимъ распространеніемъ журнала „Слово Истины“, въ чемъ, надѣемся, не откажутся помочь намъ всѣ любящіе дѣло Божіе, мы приглашаемъ къ сотрудничеству въ этомъ дѣлѣ всѣхъ желающихъ взять на себя трудъ распространенія журнала какъ путемъ подписки, такъ и организаціей розничной продажи всюду, гдѣ только къ тому явится возможность: при общинахъ, въ кружкахъ вѣрующихъ, въ книжныхъ магазинахъ, желѣзнодорожныхъ и иныхъ кіоскахъ и вообще всѣми способами, какъ каждому подскажетъ его изобрѣтательность.

За условіями обращаться въ контору редакціи, съ указаніемъ при этомъ, какое количество экземпляровъ для розничной продажи желательно получать.

На распутьи.

Могучіе, неутомимые и жестокіе враги ополчились противъ земли Русской. Свирѣпая и нелѣпая война вотъ уже четвертый годъ мнетъ ея бока. Голодъ все больше и больше своей костлявой рукой сжимаетъ горло обывателей и гонитъ ихъ изъ большихъ городовъ въ деревни. А холодъ тоже собирается съ силами и надуваетъ щеки, чтобы своимъ дыханіемъ заледенить ихъ въ неотопленныхъ квартирахъ. Люди безконечно стоятъ въ длиннѣйшихъ очередяхъ, а потомъ снова мечутся въ поискахъ предметовъ первой необходимости.

До послѣднихъ дней въ насъ еще теплилась вѣра въ мощное русское „авось“. Хотѣлось вѣрить, что все образуется, наладится какъ-нибудь и колеса русскаго быта перестанутъ трястись по кочкамъ безтолковщины и неурядицы, а выйдутъ, наконецъ, на ровную дорогу благоустройства. Но теперь и это „авось“, кажется, измѣнило намъ и поспѣшило стушеваться. Апатія, сонливость, усталость все сильнѣе и сильнѣе сковываютъ сознаніе россійскихъ гражданъ и не только безсознательную массу, всколыхнувшуюся, было, на мгновеніе, но и видныхъ борцовъ революціи—рабочій классъ большихъ городовъ. Вожди различныхъ партій бьютъ тревогу, призываютъ къ бодрствованію, говорятъ, говорятъ, говорятъ безъ конца на съѣздахъ, на митингахъ, но ихъ почти не слушаютъ—надоѣло! И тревожное предостереженіе пытается пробудить „святое безпокойство“:

— Берегитесь, товарищи, какъ бы не проснуться намъ безъ земли, безъ воли, въ новомъ рабствѣ и при грошахъ.

Жадность наживы на революціи и животное плотоугодіе пляшутъ свой безстыдный танецъ и каждый новый день несетъ намъ новыя вѣсти о безобразіяхъ массъ.

Мы стоимъ на распутьи. Прекрасная свобода обернулась въ мерзкое распутство. Не разрѣшена еще ни одна изъ творческихъ задачъ, выдвинутыхъ революціей. Классовая рознь обостряется все больше и призракъ народной междоусобицы

и братоубійства нависло надъ нами. Мечтатели „отъ революціи“ возомнили, было, о себѣ слишкомъ много и хотѣли произвести революцію во всемъ мірѣ. Но пока слова оказались только словами. На дѣлѣ же теперь проявляется сонливая усталость и безразличіе въ народѣ и многіе готовы махнуть рукой даже на свою родную революцію.

Враги „внѣшніе и внутренніе“ стараются подточить молодое неокрѣпшее деревцо свободы, но пробуждающееся сознаніе отвѣтственности и долга въ рядахъ общественной мысли окрыляетъ надеждой, что мы скоро сойдемъ съ распутья и будетъ найденъ общій языкъ для мирнаго созиданія новой жизни...

И, отмѣчая эти гримасы современной непогоды, мы должны сказать въ заключеніе, что истинная свобода вытекаетъ изъ внутренняго сознанія человѣка, освященнаго свыше. Безъ Христа нѣтъ истинной свободы, а господствуетъ лишь *угожденіе плоти*, на первое мѣсто ставится чревоугодіе.

Если въ народную гущу проникнетъ Евангеліе и Христосъ станетъ краеугольнымъ камнемъ духовной постройки земли нашей, то—миромъ зацвѣтетъ Россія. Граждане, свободные внутренно, не участвуютъ въ злыхъ дѣлахъ разрушенія устоевъ революціи и не поддаются сонливой усталости, но словомъ и личнымъ примѣромъ трудятся надъ тѣмъ, чтобы сдвинуть — застрявшій на распутьи россійскій возъ.

Подъ „благовѣстъ“ колоколовъ.

15 августа въ Москвѣ открылся всероссійскій церковный соборъ. Подъ оглушительный звонъ церковныхъ колоколовъ, духовенство всѣхъ родовъ съѣхалось впервые за долгій періодъ въ 250 лѣтъ, чтобы „потолковать отцамъ въ соборѣ“.

Долгое время православіе пользовалось покровительствомъ и поддержкою государства и до послѣднихъ дней оно „вѣрой и правдой“ усердно служило высланному теперь въ Тобольскъ царю и его опричникамъ. Да и вообще, прошлое православія тѣсно связано съ павшимъ царизмомъ и „благочестивѣйшій“ всегда стоялъ выше исповѣданія, былъ главою церкви, такъ что трудно было разобраться, гдѣ кончалось самодержавіе и начиналось православіе, и наоборотъ.

За то по внѣшнему своему положенію православіе всегда стояло въ исключительномъ, привилегированномъ положеніи. Оно было наряжено въ пышныя, блестящія одежды официальнаго почета и преклоненія. Облака казеннаго ладона густымъ слоемъ окружали его. И государство не скупилось на щедрыя пожертвованія, обезпеченія всякими благами земными, чтобы только православное вѣдомство „небесными благами“ закрѣпляло невѣжественную массу въ оковахъ рабства и суевѣрія. Всякое, не только открытое возстаніе противъ православія, а даже простое несогласіе чуткой души идти на поводу казеннаго духовенства—каралось жестоко. Изъ прошлаго къ небу подымаются тысячи рукъ мучениковъ за вѣру, которые вопіютъ: „Почему Ты, Господи, не мстишь за кровь нашу?“ Нѣтъ числа всякаго рода ограниченіямъ, запретамъ, штрафамъ, тюрьмамъ, ссылкамъ, которыми обильно усыпанъ путь этого бывшаго любимца государства.

Но этотъ внѣшній блескъ и видимый почетъ православія покупался слишкомъ дорогой цѣной—полнымъ отказомъ отъ внутренней самостоятельности, полнымъ отреченіемъ отъ свободной независимой церковной жизни. Православная церковь превратилась въ служебное орудіе царизма, являлась однимъ звеномъ въ ненавистной всѣмъ цѣпи полицейскаго режима. По видимости свободная, она была раба, съ запечатанными устами и связанной совѣстью. Живого слова Евангелія трудно было услышать отъ нея и поэтому, вмѣсто живыхъ служителей церкви, на ея башняхъ „благовѣстилъ“ бездушный металлъ колоколовъ. И отсюда понятно, почему лучшіе сыны земли нашей отвернулись отъ этого продавшагося вѣдомства.

Занимая обособленное положеніе, князья православной церкви—епископы, стояли всегда далеко отъ народа и вмѣсто прямыхъ пастырскихъ обязанностей, занимались исключительно политиканствомъ, достигали личныхъ благъ, орденовъ, богатствъ, а близко стоящій къ народу священникъ, въ большинствѣ случаевъ, былъ невѣжественнымъ и часто порочнымъ попомъ, на котораго „овцы“ смотрѣли зачастую съ насмѣшкой. Скандальныя же исторіи изъ жизни духовенства послѣднихъ дней, во главѣ съ знаменитой распутинщиной, въ конецъ подорвали всякую связь народа съ главарями ортодоксіи. Всѣмъ чуткимъ людямъ стало ясно, что въ церкви, вмѣсто живого религіознаго порыва и сердечнаго устремленія творческой вѣры, поставлены: мертвая формальность, тупая обрядность и полицейская репрессія.

Не знаемъ, какое заключеніе будетъ изъ всѣхъ сужденій собравшихся „отцовъ“. Найдутъ ли сѣдовласые мужи новыя слова, чтобы устроить новую жизнь церкви на новыхъ началахъ. Но одно уже можно сказать съ увѣренностью: если въ основу вѣры и жизни каждой отдѣльной души не будетъ поставлено Евангеліе и возрожденіе свыше, то и дальше „благовѣстить“ будутъ только колокола, а люди неизбѣжно будутъ ползать въ рутинѣ плотоугодія и никчемной обрядности.

Революція и религія въ Россіи.

Сокращенный очеркъ В. Фетлера, помѣщенный въ „Missionary Reviw of the World“.

Подобно внезапной бурѣ, самая ужасная война въ исторіи человѣческаго рода обрушилась на Россію... Буря все еще бушуетъ. Она уже причинила вредъ, поглотивъ билліоны рублей денегъ и потребовавъ милліоны человѣческихъ жизней. Каждый день приноситъ новыя вѣсти объ ужасахъ войны, которыя наполняютъ наше сердце сочувствіемъ къ тѣмъ, страданія которыхъ не могутъ быть вознаграждены золотомъ всего міра. Что стало бы съ міромъ, если бы непрестанныя молитвы не возносились день и ночь къ Господу Его вѣрными учениками, которые суть „соль земли“?

И какая потрясающая перемѣна произошла теперь! Императоръ сдѣлался узникомъ народа, который теперь шумно привѣтствуетъ новый режимъ и народное правительство, избранное отъ народа и для народа. Какое вліяніе оказалъ этотъ конфликтъ на нравственную и религіозную жизнь народа и каково будетъ вліяніе новой революціи?

Первой нравственной реформой было запрещеніе продажи водки. Несомнѣнно, что безъ этого запрещенія продажи спиртныхъ напитковъ, для русскихъ

армій было бы гораздо труднѣе вести ихъ неустрашимые и героическіе бои. Удержится ли эта реформа? Въ Россіи дѣйствуетъ много силъ, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ; но большая часть мыслящихъ людей, лучшіе члены государственной думы, лучшія газеты и ихъ лучшіе читатели—всѣ убѣждены въ полезности и практичности абсолютнаго запрещенія продажи крѣпкихъ напитковъ. Если послѣ войны запрещеніе продажи алкоголя частію и будетъ отмѣнено, то народъ все—же будетъ трезвѣе и болѣе способенъ къ несенію новыхъ обязанностей и возможностей для національнаго, нравственнаго и духовнаго развитія, нежели прежде. Даже и святѣйшій синодъ, извѣстный всегда своими реакціонерными тенденціями, просилъ запрещеніе продажи водки сдѣлать постояннымъ, и такія же просьбы поступали отъ городскихъ общественныхъ управленій и вліятельныхъ обществъ.

Вода Смерти и Вода Жизни всегда вели борьбу другъ съ другомъ. Въ человѣкѣ есть таинственное родство между его духовнымъ состояніемъ и его испорченнымъ аппетитомъ. Человѣкъ, котораго духъ не имѣетъ Христа, будетъ чувствовать жгучую жажду предметовъ міра сего, которая унижаетъ и портитъ то, что есть благороднаго и возвышеннаго въ его характерѣ. Но когда такое лицо *лишено* возможности удовлетворить эти низменныя желанія, тогда наступаетъ время предложить ему принять жизнь вѣчную. Такъ было въ Россіи. Кажется, жажда библіи сама собою смягчило страсть къ водкѣ. Сейчасъ же вслѣдъ за запрещеніемъ алкоголя, распространеніемъ библіи заинтересовались не только нѣкоторые священники и проповѣдники, но само правительство. Придворные первые сдѣлали заказы святѣйшему синоду, который одинъ имѣетъ право печатать библіи, а также и Британскому библейскому и иностранному обществу на тысячи экземпляровъ Св. Писанія для распространенія среди войска. Въ теченіе двухъ недѣль послѣ начала войны спросъ на Священное Писаніе на русскомъ языкѣ былъ такъ великъ, что типографіи святѣйшаго синода не успѣвали удовлетворять всѣ требованія.

Русскій народъ никогда не читалъ такъ много Библію, какъ за послѣдніе два года. Это сѣяніе слова Божія въ сотняхъ и тысячахъ русскихъ людей можетъ превратиться въ великое религіозное пробужденіе по всей имперіи. Это произойдетъ не только случайно. Въ то время, какъ политики и дипломаты занимались составленіемъ плановъ войны и разрушенія, другой планъ былъ составленъ въ совѣщательной комнатѣ Всевышняго (Дан. 4, 14.) для приготовленія благословенія и спасенія народу, сидящему во тьмѣ и тѣни смертной. Богъ приводитъ въ исполненіе эти планы, и первыхъ великихъ указаній этого, кажется, есть политическая революція, которая ниспровергла старый самодержавный режимъ религіозной нетерпимости.

Гдѣ свѣтъ, тамъ естественно является и нѣкоторая тѣнь. Нельзя ожидать, чтобы тамъ, гдѣ тьма господствовала вѣками, появленіе свѣта обошлось бы безъ противодѣйствія. Но силы праведности должны твердо стоять противъ этой оппозиціи съ непобѣдимою вѣрою въ полную побѣду добра надъ зломъ.

Наступленіе войны съ Германіей отмѣчено начатіемъ похода противъ всѣхъ, не принадлежащихъ къ православной церкви. Баптисты намѣчены были для особеннаго нападенія по той причинѣ, что они, якобы, получили свою вѣру изъ Германіи. Другіе евангельскіе христіане тоже пострадали.

Обращенія къ правительствующему сенату и протесты къ правительству не принесли никакой пользы. Правительство отвѣтило на это новыми правилами, въ силу которыхъ всякій сектантскій проповѣдникъ, проповѣдующій внѣ своей общины, долженъ арестовываться и подвергаться тюремному заключенію. Мое энергичное объясненіе съ директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ осталось безъ послѣдствій. Когда я указалъ, что Іисусъ Христосъ, Глава Церкви и Царь царей, ясно приказалъ Своимъ вѣрнымъ ученикамъ, чтобы они шли и проповѣдывали Евангеліе всей твари, то его провосходительство сказалъ въ отвѣтъ: „Въ такомъ случаѣ вы можете удалить это мѣсто Новаго Завѣта, если царское правительство заставляетъ васъ поступать иначе".

„Ничего подобнаго мы не можемъ сдѣлать",—отвѣтилъ я,—„намъ невозможно повиноваться людямъ болѣе, нежели Богу!" Въ результатѣ—моя ссылка. Несмотря на всѣ наши старанія быть полезными для родины, на насъ смотрѣли подозрительно. Реакціонерныя газеты не переставали дѣлать выпады противъ насъ. Большую электрическую надпись надъ баптистскимъ молитвеннымъ домомъ въ Петроградѣ „Богъ есть любовь" приказано было снять, равно и названіе нашего дома: „Домъ Евангелія".

Это обвиненіе вѣрующихъ было признакомъ постояннаго фанатизма, который не подавалъ бы надежды на лучшее будущее въ отношеніи религіозной свободы и свободы совѣсти въ Россіи. Къ счастію, есть признаки, что это угнетеніе было временнымъ чувствомъ со стороны русской іерархіи, и что новый режимъ исправитъ это зло.

Если бы немного менѣе года тому назадъ, кто нибудь предсказалъ эти событія, какъ онѣ развернулись съ низверженіемъ царя, то его приняли бы за помѣшаннаго. Но теперь, кажется, великія задачи Россіи будутъ разрѣшены. Три задачи бывшія самими важными въ Россіи, суть слѣдующія: *еврейскій, польскій и сектантскій вопросы.*

Итакъ, сперва поговоримъ о *евреяхъ*. Если какой-либо народъ въ Россіи знаетъ, что значитъ быть лишеннымъ равноправія среди согражданъ и личной свободы, то это были евреи въ Россіи. Они были лишены права избранія себѣ жительства по своему выбору. Лишь небольшому проценту изъ нихъ позволялось вступать въ университеты и высшія учебныя заведенія. Немногіе такъ пострадали отъ войны, какъ евреи. Въ Польшѣ и Галиціи ихъ гоняли съ мѣсто на мѣсто при всякомъ приближеніи непріятеля, что сопровождалось лишеніемъ имущества, голодомъ, холодомъ и презрѣніемъ. Со слезами на глазахъ и обливающимся кровію сердцами, со своими малыми дѣтьми, жалобно плачущими около нихъ или у нихъ на рукахъ, они шли все дальше и дальше, не зная, гдѣ приклонить голову или получить слѣдующій кусокъ хлѣба. Но нѣтъ такой темной ночи, за которой не слѣдовалъ бы разсвѣтъ. Теперь появились обѣщанія объ отмѣнѣ черты осѣдлости, дарованія свободы Польшѣ и другихъ привилегій. Нѣтъ ничего болѣе желательнаго для Россіи, какъ дарованіе равноправія евреямъ наравнѣ со всѣми другими гражданами Россіи.

Поляки. Обращеніе съ поляками за послѣдніе годы было строго и недружелюбно. До войны ихъ языкъ не допускался въ школахъ и въ официальной жизни. Ихъ школы подвергались большимъ ограниченіямъ и самому національному существованію ихъ грозила опасность. Послѣ начатія войны

премьеръ Горемыкинъ заявилъ въ Государственной Думѣ (2 августа 1915 г.), что въ настоящее время Польша ожидаетъ освобожденіе своихъ земель отъ тяжелаго ига, и что въ концѣ войны Польша получитъ право свободнаго устроенія своей національной, образовательной и финансовой жизни на основахъ автономіи подъ властію русскихъ царей съ сохраненіемъ единства имперіи.

Поляки заслуживаютъ большей свободы. Они народъ способной и болѣе понятливый, нежели средній русскій. Варшава—самый красивый изъ всѣхъ русскихъ городовъ. Если бы съ поляками обращались лучше, какъ мы теперь съ увѣреностью можемъ ожидать, если бы имъ болѣе довѣряли и позволяли осуществлять ихъ національныя желанія, то мы не сомнѣваемся, что они могли бы оказаться самыми вѣрноподданными и законопослушными гражданами Россіи.

Русины, малороссы или украинцы, какъ ихъ называютъ, составляютъ нѣсколько милліоновъ. Они отъ природы надѣлены музыкальными и поэтическими дарованіями, и давно проявили благородныя стремленія къ высшимъ идеаламъ. Съ омоченной кровью почвы Галиціи и Малороссіи, украинскій народъ также поднимаетъ свои головы и открываетъ свои глаза къ болѣе свѣтлому будущему.

Сектанты. Такъ называемые сектанты являются малочисленными и слабыми, преимущественно необразованными и бѣдными, коренящимися большею частію среди крестьянства и рабочихъ классовъ Россіи. Ихъ названіе, данное имъ въ укоръ, сдѣлалось почетнымъ наименованіемъ и синонимомъ честности, трезвости, воздержанія и бережливости. Великіе князья, генералы, адмиралы, члены государственнаго совѣта и государственной думы, и министры рады были пользоваться услугами вѣрныхъ сектантовъ. Эти слуги сперва проповѣдуютъ своею жизнію, и это представляетъ имъ случай проповѣдывать своимъ языкомъ со властію. Одинъ знаменитый военный профессоръ, не признававшій ни Бога ни Библію, которому надоѣло обращеніе съ нимъ другихъ слугъ, обратился ко мнѣ съ просьбою рекомендовать ему повара. Мы рекомендовали ему скромную женщину, но такую, которая была знакома съ своимъ Спасителемъ и съ Библіей. Она поступила къ профессору и хорошо работала, а потомъ хорошо говорила въ его домѣ. Жена профессора стала находить для себя болѣе удовольствія въ обществѣ бѣдной сектантки, нежели въ обществѣ благородныхъ дамъ, и самъ профессоръ сильно заинтересовался ею. Этотъ человѣкъ и его жена стали спрашивать служанку о Богѣ, о ея личномъ Спасителѣ и Его смерти на крестѣ за грѣшниковъ. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль, профессоръ и его жена пришли вмѣстѣ съ ихъ кухаркой въ молитвенный домъ и тамъ слушали Евангеліе. Когда другіе стали на колѣна для молитвы къ Богу, высокій сановникъ не постыдился преклонить также свои колѣни для усердной молитвы.

Милліоны людей не понимаютъ новаго ученія, но они понимаютъ новую жизнь. Ничто не служитъ такимъ вѣрнымъ доказательствомъ истиннаго христіанства, какъ его сила измѣнять жизнь людей. Здѣсь начинается конфликтъ. Съ этой точки зрѣнія, русскихъ сектантовъ ненавидѣли и гнали представители такъ называемаго христіанства.

Мы полагаемъ, что рѣшеніе евангельской проблемы не за горами. Свѣтъ долженъ побѣдить. Среди русскихъ государственныхъ людей есть люди съ высокими моральными чувствами, основанными на принципѣ справедливости. Они должны видѣть ошибочную политику преслѣдованія такихъ богобоязненныхъ людей, каковы русскіе сектанты. Есть уже поднимающіеся русскія церковныя сановники, которые не боятся возвышать свои голоса въ защиту свободы совѣсти. Епископъ Андрей уфимскій высказался въ пользу религіозной свободы въ государственной церкви и въ народѣ. Никонъ, извѣстный сибирскій епископъ, который состоитъ членомъ государственной думы, напечаталъ въ русской печати письмо въ защиту полной вѣротерпимости въ дѣлѣ національности и религіи. Въ Курской губерніи, въ селеніи Солнцево, губернаторъ Катенинъ позволилъ баптистской общинѣ открыть свой молитвенный домъ. Мѣстное духовенство обсуждало это дѣло и рѣшило просить правительство закрыть эту общину. Рѣшеніе духовенства представлено было на одобреніе архіепископу Тихону, который однако, отказался поддерживать это постановленіе. Подобные голоса изъ разныхъ частей Россіи похожи на одинокихъ весеннихъ птицъ, возвѣщающихъ конецъ зимы. Число этихъ голосовъ все увеличивается. Будемъ надѣяться, что вскорѣ долы и горы Россіи огласятся большими хорами пѣвцовъ Свободы, Любви и Свѣта.

Съ Англійск. для „Сл. Ист.“ перев. В. П.

* *
*

Господь! И сердцу, и уму
Твои велѣнія пріятны,
Лишь зовы смерти непонятны
И не любезны никому.
Творецъ! Могу-ли вѣрить я,
Чтобъ смерть была Твоимъ закономъ:
Не предстоитъ ли передъ тропомъ
Мужей безсмертная семья?
Отецъ! Внемли моей мольбѣ:
Даруй отъ смерти избавленье,
Даруй, чтобъ я изъ царства тлѣнья
Пришелъ, сіяющій, къ Тебѣ!
Мой Богъ! Въ могилѣ не оставь
Полуисчезнувшаго праха,—
Хочу во гробъ идти безъ страха,
Молю: прославься и прославь!

П. Николаевъ.

Царство Божіе близко.

„Покайтесь, приблизилось Царствіе Божіе“. Іисусъ Христосъ.

I

Царство Божіей Правды внутри и внѣ насъ. Вотъ золотая мечта и единственная цѣль человѣчества.

Приближеніе, проведеніе въ жизнь, осуществленіе этого царства—наша *ближайшая* и *общая* задача.

Единственная главная задача,—всѣ остальныя прикладныя.

„*Ищите прежде царства Божія и правды его и все остальное приложится вамъ*“ (Іисусъ Христосъ).

Что же такое Царство Божіе и что надо сдѣлать, чтобы поскорѣе оно наступило?

II

Мы—части Единаго Цѣлаго.

Отъ человѣка до соринки—братья другъ другу.

Вотъ первое, что должно помнить и ни на секунду не забывать.

III

Мы—части Великаго Цѣлаго, но части не пассивныя, а активныя.

„Я долженъ эллинамъ и варварамъ, мудрецамъ и невѣждамъ“, говоритъ о себѣ апостолъ Павелъ.

Всѣмъ долженъ и друзьямъ и врагамъ, и мудрымъ и безумнымъ.

Потому что всѣ должны стать друзьями. Всѣ должны быть напоены мудростью.

Никакого изъятія.

И не только человѣкъ человѣку *долженъ*, но и всей твари.

„Отъ звѣзды и до соринки всѣ несчастны въ мірѣ“.

Какъ звенья одной Великой цѣпи, какъ камни Единой Стройки, какъ сыны Свѣта, призванные быть совершенными, какъ совершенъ. Отецъ небесный, *мы — каждый въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ носимъ въ себѣ цѣлыя горы сокровищъ, цѣлый магазинъ цѣнностей, возможностей—отъ выявленія которыхъ и зависитъ красота и гармонія жизни, наступленіе царства Божіей Правды во вселенной.*

IV

Безпредѣльно велика цѣнность каждаго *я*, его значеніе, какъ части въ Цѣломъ.

Отсюда наша постоянная, живая, дѣйственная отвѣтственность за все зло и боль міра, какъ за свои зло и боль.

И за всѣ еще не наступившія радости міра, какъ за свои нерадѣнія и недостатокъ творческой энергіи.

„Божій міръ еще не созданъ,
Недостроенъ Божій храмъ,
Только сѣрый камень розданъ,
Только мощь дана рукамъ“.

(Балтрушайтесъ).

V.

Итакъ, *цѣль ясна — достройка „Хрустальнаго Дворца“ всему творенію.*

Средства есть—наша внутренняя мощь, заложенныя, какъ въ каждомъ изъ насъ, такъ и во всемъ твореніи возможности.

Чего же недостаетъ еще?

Отчего же Царство Божіе не наступаетъ?

Необходимо глубокое, прожигающее ржавчину душъ, сознаніе отвѣтственности.

Безъ проведенія въ жизнь творческой отвѣтственности всѣхъ—за все—Царство Божіе не возможно.

Всѣ, кто имѣетъ уши—слушайте внимательно.

И у кого есть совѣсть и непомутившійся разсудокъ, знайте, что только въ этомъ Спасеніе. Въ отвѣтственности. И при томъ не одного, или нѣсколькихъ, а всѣхъ.

Всѣ должники другъ другу, поэтому всѣ за все и виноваты.

Выжгите это на своихъ очерствѣвшихъ сердцахъ.

Кричите объ этомъ на площадяхъ. Обучайте въ школахъ. Пишите въ книгахъ и газетахъ.

Взывайте въ воззваніяхъ и обращеніяхъ къ народу.

Отвѣтственность. Всеобщая отвѣтственность!

VI.

Царство Божіе близко.

Но, если оно еще не наступило, повинна въ этомъ старая мораль самоспасанія. Исправимъ ошибку тысячелѣтій. Призовемъ звенья исполнить свой долгъ по отношенію къ цѣлому.

Съ Божественнымъ сознаніемъ отвѣтственности всѣхъ за все, продолжимъ остановившуюся стройку.

*„...съ надеждой не напрасно
Пророкли пророки:
Будетъ день и упразднится
Жизни Врагъ жестокій.
Отъ звѣзды и до соринки
Все враждуетъ въ мірѣ.
Примиритесь и омойтесь
Пламенемъ въ Потирѣ.
Жизнь—Любовь. Смерть—Раздѣленье,
Цвѣтъ и плодъ Раздора.
Прогреми, раздайся пѣсня
Мірового Хора“.*

Іона Брихничевъ.

Жизнь и человѣкъ.

Вопросъ о взаимоотношеніи жизни и человѣка есть одинъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ современной дѣйствительности. „Разумно мыслящій человѣкъ прежде всего думаетъ о томъ, для какой цѣли онъ долженъ жить“, говоритъ Паскаль. Уясненіе *цѣли* жизни человѣкомъ тѣсно связано съ уясненіемъ имъ своего *мѣста* въ этомъ мірѣ и своей *силы* для достиженія этой цѣли. На этомъ пути человѣкъ, прежде всего, сталкивается съ „силой жизни“. Жизнь—великая сила. Это ясно сознается всѣми, потому, что эта сила вліяетъ на насъ. Мы это особенно чувствуемъ по *тяжести жизни*. Ненормальный укладъ всѣхъ сторонъ современной жизни—семьи, общества и государства, тяжелымъ гнетомъ давитъ человѣчество и подчиняетъ его своему вліянію. Казалось бы, что, если условія жизни людей тяжелы и ненормальны, то отъ самихъ же людей зависитъ и измѣнить ихъ къ лучшему, но на дѣлѣ это оказывается далеко не такъ. Ненормальность жизни отражается и на людяхъ, почему не люди теперь творятъ жизнь, а жизнь дѣлаетъ человѣчество такимъ, каково оно есть. И въ этомъ—трагедія современнаго человѣка. Онъ призванъ быть творцомъ жизни, а вмѣсто этого самъ подпалъ ея вліянію и подчиняется ей. Это происходитъ оттого, что человѣкъ утратилъ данную ему *силу*, необходимую для устройства и руководства жизнью, вмѣстѣ съ этимъ онъ потерялъ и *свободу*, а, черезъ это, и *власть*, какъ надъ самимъ собой, такъ и надъ условіями своей жизни. Все это произошло отъ подчиненія человѣка *грѣху*. Чрезъ это подчиненіе онъ сталъ *рабомъ грѣха* и условія его жизни стали рабскими. Первымъ послѣдствіемъ этого явилась тяжесть жизни. И она будетъ тяжела для большинства человѣчества до тѣхъ поръ, пока человѣкъ вновь не овладѣетъ потерянной имъ тайной побѣды надъ жизнью. Теперь же, пока, побѣждаетъ жизнь. Ея сила, какъ сила огромной машины, давитъ плющитъ и коверкаетъ человѣчество лишь только потому, что люди, пока, еще не имѣютъ возможности сопротивляться ея вліянію, такъ какъ не имѣютъ силы для этого сопротивленія. А сила побѣждается только силой. И человѣкъ сможетъ освободиться отъ власти жизни, возвыситься надъ ней, подчинить ее своему вліянію и создать ее такою, какова она должна быть, лишь только тогда, когда вернетъ эту, утраченную

имъ, силу. А это произойдетъ тогда, когда онъ вновь сознаетъ себя *человѣкомъ*, т. е. *образомъ и и подобіемъ Божіимъ*. Теперь же, чрезъ подчиненіе человѣка грѣху, этотъ образъ утраченъ и подобіе искажено. Вернуть же утраченное можетъ только полное общеніе съ Тѣмъ, Чей образъ долженъ отражать въ себѣ человѣкъ. Чрезъ это общеніе онъ получитъ и силу, вернетъ и свободу, и будетъ имѣтъ власть, принадлежащую ему по праву второго рожденія, какъ „чаду Божію“. Тогда и сила жизни будетъ побѣждена, потому что онъ будетъ имѣть силу и сама жизнь измѣнится, потому что *измѣнится человѣкъ*.

Поиски силы для борьбы и побѣды надъ жизнью приводятъ человѣка къ опредѣленію его *мѣста* въ этомъ мірѣ. Есть много людей, про которыхъ говорятъ, что они совершенно неприспособлены къ жизни. Это происходитъ оттого, что они не могутъ найти въ ней „своего мѣста“, а черезъ это не могутъ приложить и своихъ силъ къ общей работѣ созиданія жизни, являясь, такимъ образомъ, въ полномъ смыслѣ слова „лишними людьми“. Опредѣленіе же своего мѣста въ жизни, т. е. мѣста, гдѣ можно принести наибольшую пользу и гдѣ можно чувствовать себя „самимъ собою“—есть одна изъ наиболѣе важныхъ и наиболѣе трудныхъ задачъ современной жизни. Въ этой жизни все такъ сложно, все такъ перепутано, что человѣкъ никакъ не можетъ найти въ ней это искомое, „свое мѣсто“ и никогда ему не удастся быть „самимъ собой“. Все въ мірѣ имѣетъ свою цѣнность. Цѣнность жизни въ ея силѣ, цѣнность же человѣка въ его сопротивленіи этой силѣ. Сопротивляться же ей можетъ, какъ мы видѣли изъ предыдущаго, лишь человѣкъ, нашедшій самого себя. Наибольшей силой сопротивленія обладаетъ, а черезъ это является и наиболѣе цѣннымъ для жизни тотъ человѣкъ, который всегда и вездѣ оказывается на „своемъ мѣстѣ“ и во всякомъ положеніи остается „самимъ собой“. Всѣмъ людямъ свойственно желаніе быть или, по меньшей мѣрѣ, казаться „чѣмъ то“. Отъ этого избавлены лишь люди, которые сознаютъ, что они уже „есть“ и есть именно то, чѣмъ они должны быть. Все же остальное для нихъ не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ всѣ устремленія ихъ направлены къ иной, духовной, вѣчной жизни. Отъ этого проистекаетъ и то, что *всякое* мѣсто, которое имъ приходится занимать въ этомъ мірѣ, будетъ—ихъ мѣстомъ, и *всякая* работа, которую имъ приходится работать, будетъ—ихъ работой, потому что вездѣ и всегда они чуствуютъ себя слугами и работниками Божіими. Лишь бы эта работа и это мѣсто не противорѣчили бы волѣ Божьей.

Исходя изъ всего вышесказаннаго, легко вывести, что „цѣль“ жизни уясняется человѣкомъ лишь по мѣрѣ уясненія имъ силы жизни и силы, побѣждающей ее, а черезъ это и опредѣленіе имъ „своего мѣста“ въ природѣ. Эта цѣль жизни можетъ быть ясна только человѣку, который находится въ общеніи съ Источникомъ Жизни.

И въ этомъ—разрѣшеніе вопроса о взаимоотношеніи человѣка и жизни.

Мих. Александровъ.

Грѣхъ, какъ зло всѣхъ золъ въ этомъ мірѣ.

И. В. КАРГЕЛЯ.

III.

Грѣхъ есть также нравственное оскверненіе.

Недавно почившій д-ръ Сафиръ въ своемъ изложеніи I гл. 3 ст. посланія къ Евреямъ пишетъ такъ: „Грѣхъ есть большое тяжелое бремя. Онъ есть уходъ изъ дома отца въ далекую страну. Онъ есть не благодарность и возмущеніе, и—еще больше, онъ есть вражда противъ Бога. И только сила можетъ поднять и устранить бремя. Только состраданіе можетъ искать заблудшую овцу и идти за нею чрезъ горы, долины и пустыни, пока не найдетъ ее. Благодать можетъ снизойти, чтобы противнику принесть вѣсть мира и благоволенія. Но, слушай, грѣхъ есть нѣчто большее, **онъ есть оскверненіе**. Онъ есть то, что *мерзко предъ Богомъ и что наполняетъ Его внутренность глубокимъ отвращеніемъ*“. Поэтому, не случайно и не преувеличивая, Св. Писаніе во многихъ мѣстахъ грѣхъ называетъ мерзостью въ очахъ Божіихъ, причемъ это наименованіе приписывается и грѣшнику. Слѣдуетъ объ этомъ прочитать хотя бы слѣдующія мѣста Св. Писанія: Числ. 18, 24—30; 19, 7. 20 23; Второз. 18, 9—12 и т. д. Поэтому, всякій грѣхъ и всякій дѣлающій его—суть мерзость предъ Богомъ и Онъ отвращается отъ нихъ. Грѣхъ есть оскверненіе и нечистота, находясь въ которой никто не можетъ ни стоять, ни ходить предъ Господомъ ни здѣсь, ни въ будущности, какъ намъ это и показано на примѣрѣ Іисуса въ Ветхомъ Завѣтѣ (Захар. 3, 3—5), и на нѣкоторыхъ лицахъ въ Сардисѣ въ Новомъ Завѣтѣ (Отк. 3, 4).

Что грѣхъ есть не только актъ вражды, ведущій въ погибель и болѣзни, приносящей вѣрную смерть, но также и *отвратительное оскверненіе, дѣлающее приближеніе къ Богу совершенно невозможнымъ*,—это вытекаетъ уже изъ того, что устраненіе онаго у возвращающагося грѣшника должно совершиться чрезъ очищеніе и омытіе, происходящее отъ Бога. Св. Писаніе полно свидѣтельствъ, относящихся къ этому предмету. Вспомнимъ только, какъ отвратительны были Давиду его грѣхи, именно, какъ оскверненіе предъ Богомъ. Въ одномъ изъ своихъ покаянныхъ псалмовъ онъ молитъ: „Многократно *омой меня* отъ беззаконія моего, и отъ грѣха моего *очисти меня*“; и послѣ нѣкоторыхъ глубокихъ сокрушеній, онъ снова восклицаетъ: „Окропи меня иссопомъ, и буду чистъ, омой меня, и буду бѣлѣе снѣга“ (Пс. 50, 4 9). Господь отвергаетъ жертвы, богослуженія, праздники и молитвы Израиля, который, продолжая жить въ грѣхѣ, все-же нахально стремится являться предъ лицо Божіе, и Онъ выражаетъ это въ словахъ: „ваши руки полны крови“, т. е. онѣ настолько запачканы и запятнаны, что Онъ ничего не можетъ принять изъ нихъ. И далѣе, Онъ даетъ имъ совѣтъ: „омойтесь, очиститесь; удалите злыя дѣянія ваши отъ очей Моихъ“ и т. д. и заканчиваетъ: „тогда придите и разсудимъ“ (Ис. 1, 16—18). Нѣкоторые изъ Коринфянъ были подвержены грубымъ отталкивающимъ грѣхамъ, но съ ними произошла замѣчательная перемѣна, которую ап. Павелъ, обращаясь къ Коринфянамъ, и описываетъ такъ: „*но омылись*, но освятились, но оправ-

дались именемъ Господа нашего Іисуса Христа и Духомъ Бога нашего“ (1 Кор. 6, 11). И ап. Іоаннъ воздаетъ славу Іисусу Христу, „возлюбившему насъ и омывшему насъ отъ грѣховъ нашихъ Кровію Своею“ (Откр. 1, 5), и въ другомъ мѣстѣ онъ свидѣтельствуетъ, что право пребывать предъ престоломъ Божіимъ дается только тѣмъ, которые омыли и убѣлили одежды свои въ этой крови (Откр. 7, 13—15); поэтому—то уже въ Ветхомъ Завѣтѣ Его Кровь ожидали и прославляли, *какъ открытый источникъ для омытія* грѣха и нечистоты (Зах. 13, 1). Эти и цѣлый рядъ другихъ мѣстъ Св. Писанія съ особеннымъ удареніемъ доказываютъ, что грѣхъ въ его сущности какъ нечистота и осквернение является предъ Богомъ самымъ отвратительнымъ для Его естества. Ибо если та сторона грѣха, въ которой онъ, выступая какъ возмущеніе, дѣйствовалъ противъ Него и Его Божественнаго владычества, то та сторона, въ которой онъ является въ качествѣ болѣзненнаго яда, выступала противъ Его жизни, а какъ нечистота и осквернение онъ противостоитъ уже совершенству всѣхъ Божественныхъ совершенствъ, т. е. Его святости, и долженъ дѣйствовать на Него, Единаго Святого, самымъ отталкивающимъ образомъ. Возможно, что на основаніи этого, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣчь идетъ о Сынѣ Божіемъ въ самой благороднѣйшей формѣ, равно какъ и о Его возвышенной славѣ, чтобы самымъ наглядным образомъ выяснить разницу между тѣмъ, Кто Онъ есть и тѣмъ, какимъ Онъ потомъ сталъ для насъ, грѣхъ именно и выступаетъ какъ **осквернение и нечистота**, ибо Апостолъ соединяетъ вмѣстѣ и Его и насъ съ нашими грѣхами, говоря: „Богъ въ послѣдніи дни говорилъ намъ въ Сынѣ, Котораго поставилъ наслѣдникомъ всего, чрезъ Котораго и вѣки сотворилъ. Сей, будучи сіяніе славы и образъ ипостаси Его и держа все словомъ силы Своей, *совершивъ Собою очищеніе грѣховъ нашихъ*, возсѣлъ одесную (престола) величія на высотѣ“ (Евр. 1, 2—3).

И не есть ли въ дѣйствительности осквернение грѣха именно такое, которое изо всѣхъ его дѣйствій *наиглубже проникаетъ и дольше всего держится*, если даже оно уже и прощено или же суды Божіи прошли надъ нимъ? Взглянемъ на цѣлые народы, на отдѣльныя личности и заглянемъ въ наше собственное сердце и совѣсть и мы найдемъ подтвержденіе этой дѣйствительности. Боль, которую онъ причиняетъ намъ, потери, которыя мы претерпѣваемъ,—все это въ концѣ концовъ предается забвенію, но только—не пятна, которыя грѣхъ накладываетъ на насъ! Нравственныя или грѣховныя пятна держатся такъ крѣпко, что сами по себѣ онѣ остаются и по истеченіи тысячелѣтій, да и тогда еще цѣлыя племена ощущаютъ отвращеніе и высказываютъ его открыто. Зубъ времени, разрушающій могущественнѣйшіе памятники старины, ничего не можетъ сдѣлать съ постыднымъ пятномъ грѣха. И если сіе совершается въ нашемъ уже привычномъ къ грѣху мірѣ, то что же тогда должно быть предъ святымъ Богомъ? Можетъ ли долгота времени, если она даже перейдетъ и въ вѣчность, сгладить его черноту, можетъ ли гніеніе уничтожить его, ржавчина пожрать его или же огонь разжечь его до—бѣла? Никогда! Если мы коснемся грѣховныхъ пороковъ *отдѣльныхъ* народовъ, то кто не подумаетъ съ отвращеніемъ о сладострастномъ идолослуженіи римлянъ, объ ихъ падкости къ играмъ и оргіямъ, кто не вспомнитъ трусость и изнѣженность грековъ во времена ихъ упадка, а также и отпаденіе Израиля отъ живого Бога въ язычество во время его развитія въ самостоятельное царство; даже современники Господа отреклись отъ своихъ предковъ и осудили поступки своихъ отцовъ, какъ постыдные пороки, когда говорили объ убіеніи послѣдними своихъ пророковъ (Матѳ. 23, 30), хотя и сами по себѣ они были не лучше ихъ. Новыхъ народовъ тоже наберется ни малое количество, имена которыхъ, какъ только они будутъ названы, сейчасъ же тѣсно сливаются съ рѣзкими пороками въ ихъ характерѣ и исторіи. Никто не можетъ смыть эти пятна, хотя и преобладаетъ желаніе отказаться отъ нихъ и уничтожить ихъ. А кто смоетъ пятна съ именъ *отдѣльныхъ личностей*; не замѣтно ли, что онѣ какъ-будто еще крѣпче держатся за послѣднихъ? Мы только рѣшаемся назвать ихъ, какъ предъ нашимъ духомъ со страшной быстротой всплываютъ мрачныя стороны ихъ жизни, если даже нѣкоторые изъ нихъ, въ общемъ и цѣломъ, были и чисты. Не вошли ли многіе изъ нихъ въ пословицу въ устахъ? Вспомнимъ хотя бы нѣкоторыя библейскія имена: Адамъ, Каинъ, Хамъ, Ахавъ, Корѣй, Давидъ, Авессаломъ, Іуда Искаріотъ, Иродъ, Понтій Пилатъ, Саулъ и т. д. Тысячелѣтія прошли надъ ними, Богъ совершилъ надъ ними Свой судъ и многимъ изъ нихъ простилъ все, но пятна, однажды ставшія извѣстными всему міру, остаются попрежнему. И если кто-либо заглянетъ въ собственное сердце и собственную жизнь, и увидитъ, что все совершонное прежде уже прощено, то не всплываютъ ли еще и тогда отдѣльные случаи, которые вызываютъ отвращеніе и которымъ охотно хотѣлось бы пожелать: о, если-бы они лучше никогда, никогда не совершались въ жизни; они вѣдь смыты, они вѣдь уничтожены,—это извѣстно достовѣрно и точно, но изъ за ихъ черноты какъ бы приходится, вмѣстѣ съ Давидомъ, молить: „Грѣховъ юности моей не воспоминай; по милости Твоей вспомни меня Ты“ (Пс. 24, 7). Да и не случается ли еще и такъ, что послѣ дѣйствительно отраженныхъ и побѣжденныхъ искушеній, въ иномъ глубоко-искреннемъ сердцѣ все же остается нѣчто похожее на протянутую темную нитку, слѣдъ отъ которой желаетъ прибывать во внутренности? Какимъ по этому бдительнымъ должно быть око каждаго чада Божія, чтобы не прикасаться ни къ чему нечистому, и какъ должно стремиться его сердце быть очищеннымъ отъ всякой скверны плоти и духа (2 Кор. 7, 1).

Насколько сильно Господь гнушается всякой скверны грѣха вплоть до глубины ея гнусныхъ нитей, насколько Онъ желаетъ видѣть ее совершенно уничтоженной и, еще болѣе, насколько Онъ желаетъ предостеречь отъ нея всѣхъ,—это видно уже въ обрядовомъ законѣ Вѣтхаго Завѣта, гдѣ Господь говоритъ о всевозможныхъ чистыхъ и нечистыхъ предметахъ. Въ немъ заключается правило для ихъ блаженства, гласящее: чистый или нечистый, которое касается цѣлаго народа, а равно и отдѣльнаго мужчины, женщины и дитяти, всякаго званія, всей жизни, а также и каждаго новаго дня и каждаго отдѣльнаго событія. Если чистый, тогда—благословеніе, тогда—общеніе, тогда—соучастіе, миръ, радость во всѣхъ плотскихъ обязательствахъ, случаяхъ и отношеніяхъ, но—прежде всего, въ духовныхъ, тогда—тѣсный союзъ съ человѣками, съ народомъ Божіимъ и полный свободный доступъ къ Самому Богу. Но если нечистый, тогда—горе, тогда исключеніе отъ всѣхъ плотскихъ и духовныхъ благословеній, исключеніе изъ народа Божія и отъ Самаго Бога, тогда

таковой нечистый становился несчастнымъ, лишеннымъ мира и радости, исключеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ. И теперь не забывай никто, что все, бывшее нѣкогда тѣнью, — нынѣ стало сущностью; это же самое „чистый или нечистый“ и теперь также руководитъ всѣмъ, что касается нашего отношенія къ Богу, всѣмъ людямъ и всѣмъ окружающимъ насъ предметамъ, и именно теперь оно относится къ жизни дѣтей Божіихъ, къ ихъ днямъ, поступкамъ и стремленіямъ. Это правило удаляетъ и приближаетъ, оно ведетъ къ благословенію и исключаетъ таковое, оно заключаетъ союзъ съ Богомъ и Его народомъ или же отдаляетъ все глубже и дальше, смотря по тому, что пріобрѣтаетъ господства, одно или другое, и—наше блаженство или несчастье всецѣло зависитъ отъ этого.

И наблюдали ли мы когда-либо, какъ это ветхозавѣтное „чистый или нечистый“ проникло въ самыя мельчайшія проявленія жизни? Пища и питіе, дотрагиваніе и прикосновеніе къ чѣму либо, одежда и жилище, обращеніе и обхожденіе съ другими людьми, мертвыми и живыми и т. д., однимъ словомъ, каждый шагъ и движеніе,—все находилось подъ этимъ господствующимъ надъ всѣмъ закономъ, чрезъ который каждый Израильтянинъ сознательно или безсознательно могъ стать нечистымъ, или же будучи таковымъ—осквернить другого. Всегда требовался открытый глазъ, чтобы во-время замѣчать опасность или отыскивать скверну тамъ, гдѣ таковая совершалась. Священнослужителю воспрещалось пить вино, дабы онъ во всякое время былъ бдителенъ и *могъ отличать чистое отъ нечистаго* (Лев. 10, 8—11), такъ какъ и въ его область, т.-е. въ святилище Божіе, скверна также легко могла проникнуть, какъ и въ обыкновенную жизнь. Насколько все это имѣетъ отношеніе къ жизни христіанина, — этому онъ научается только тогда, если ревностно бодрствуетъ и непорочно ходитъ предъ Богомъ. Тогда онъ познаетъ, какъ легко можно осквернриться и опорочиться во всѣхъ вышеуказанныхъ случаяхъ, а также узнаетъ и то, насколько ему необходима постоянная, полная духовная трезвость въ его отношеніи къ Богу, къ людямъ и въ ежедневныхъ событіяхъ, чтобы всегда ясно различать все. О, если бы этотъ духовный законъ Божій дѣйствовалъ всей своей мощью на всѣ наши ежедневныя отношенія!

Касательно же источниковъ всякаго осквернения и порока, Св. Писаніе особенно указываетъ на два изъ нихъ. Упомянутый обрядовый законъ у Израиля отмѣчаетъ источники: *внутренній и внѣшній*. Осквернение **со внѣ** происходило на почвѣ прикосновенія, вкушенія и общенія съ однимъ или многими нечестивцами; осквернение же **изъ внутри** проявляло свое начало въ каждой отдѣльной личности, причемъ находящаяся въ ихъ организмѣ порочность пробивалась наружу въ видѣ всевозможныхъ выдѣленій, нагноеній и нарывовъ, и особенно въ ужаснѣйшей изъ всѣхъ накожныхъ болѣзней — проказѣ.

Оба эти источника точно соотвѣтсвуютъ основной причинѣ нашего осквернения чрезъ грѣхъ. Слово Божіе и нашъ личный опытъ весьма ясно указываютъ на эти оба источника, причемъ первое изъ нихъ прежде всего очень серьезно предостерегаетъ насъ отъ вліянія внѣшняго источника, т. е. чтобы „*хранить себя неосквернennымъ отъ міра*“ (Іак. 1, 27) „не любить міра, ни того, что въ мірѣ“ (I Іоан. 2, 15, 16) и чтобы удаляться отъ господствующаго въ мірѣ растлѣнія похотью (2 Пет. 1, 4); затѣмъ оно предостерегаетъ насъ отъ дѣйствія нечистаго источника, который находится внутри насъ: „Ибо изъ *сердца исходятъ* злые помыслы, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, кражи, лжесвидѣтельства, хуленія. Это оскверняетъ человѣка“ (Матѳ. 15, 18-20), говоритъ Господь. И если мы предъ Богомъ испытаемъ наши переживанія, то таковыя также ясно, какъ и Св. Писаніе, покажутъ намъ эти оба источника. Бываютъ соприкосновенія съ окружающимъ насъ зломъ, которыя, если не будутъ побѣждены силою Божію, такъ осквернять сердце и чувства, что сейчасъ же прерывается обращеніе и общеніе съ Богомъ. Одинъ взглядъ глаза, одно слово, проникающее въ ухо, одно холодное или горячее рукопожатіе можетъ уже быть таковымъ соприкосновеніемъ, которое вводитъ въ сердце ядовитыя стрѣлы; и если онѣ не ударятся о щитъ вѣры, то мы скоро почувствуемъ, что прикоснулись къ смерти и мертвячинѣ, дохнувшихъ на насъ смердящимъ зловоніемъ, и если даже мы одержимъ побѣду, такъ что не послѣдуетъ никакого осквернения, то все же узнаемъ, что были въ ихъ непосредственной близости. Мы говоримъ здѣсь *только о прикосновеніи*: о вкушеніи же зла и общеніи съ нимъ и съ тѣмъ, что въ мірѣ, всякій по себѣ знаетъ, какое осквернение онѣ влекутъ за собою. Научимся же быть послушными призыву Божію въ силѣ Его завѣта: „*И не прикасайтесь къ нечистому*“ (2 Кор. 6, 17), тогда мы навѣрное останемся огражденными отъ вкушенія и общенія съ онымъ.

И какая бездна нечистоты заключается внутри насъ, въ нашей плоти и крови, въ нашемъ „я“, если оно не будетъ поставлено подъ могущество и управленіе Св. Духа. Часто безъ побужденія со внѣ, при благопріятныхъ и неблагопріятныхъ условіяхъ, въ святилище и частной жизни, днемъ и ночью, въ радости и страданіяхъ, во всякое и каждое время этотъ источникъ готовъ излить свой оскверняющій потокъ, будетъ ли это въ мысляхъ, воображеніи, планахъ, порочныхъ намѣреніяхъ и нечистыхъ побужденіяхъ, въ отношеніи къ самому себѣ или же къ личности ближняго, а равно и къ предметамъ, среди которыхъ мы вращаемся. И всѣ эти осквернения могутъ быть извѣстны только *намъ однимъ*, потому что онѣ совершаются внутри насъ и не показываются наружу, но тѣмъ неменѣе онѣ все же оскверняютъ насъ; но что тогда, если эти внутреннія скверны да перейдутъ въ наружныя, если мысли *подобно наростамъ и нарывамъ* облекутся *въ слова* у заболѣвшаго нечистаго; если языкъ, этотъ огнь, прикраса неправды, начнетъ произносить „праздныя слова“ (Матѳ. 12, 26), которыми *онъ „оскверняетъ все тѣло* и воспаляетъ кругъ жизни, будучи самъ воспаляемъ отъ геены“ (Іак. 3, 6). И, наконецъ, если эти плотскія побужденія превратятся въ дѣла плоти, то какое осквернение тогда получится отъ всего этого!

Но существуетъ ли средство противъ этихъ нечистотъ, лѣкарство для уже содѣланнаго поврежденія, а также и предупреждающее средство противъ дѣйствія этихъ источниковъ? О, благодареніе Богу, таковое существуетъ! Ибо какъ это стало возможно, что на землѣ появился народъ, среди котораго Онъ желаетъ жить и пребывать, если бы таковой не могъ быть очищенъ отъ всѣхъ сквернъ, а также затѣмъ не получилъ бы и охрану отъ дѣйствій онаго? Не долженъ ли Тотъ, Который такъ ревностно слѣдилъ за внѣшней или прообразной чистотой Израиля, притомъ же заботился и о томъ, чтобы очистить его отъ всякой скверны,— тѣмъ болѣе ревновать объ истинномъ, внутреннемъ очищеніи народа Христова? Безъ сомнѣнія,

И какъ у Израиля былъ установленъ всегда горящій жертвенникъ и въ его странствіяхъ за нимъ всегда слѣдовалъ пепелъ отъ рыжей телицы для удаленія его нечистоты, такъ и насъ сопровождаетъ смерть Господа и за нами слѣдуетъ Его очищающая Кровь. Отъ грѣха во всѣхъ его видахъ, будетъ ли это въ видѣ вражды, болѣзни или осквернения, нѣтъ никакого иного средства, какъ Кровь Господа, которая одна и ничто другое, „*очищаетъ отъ всякаго грѣха*“ (1 Іоан. 1, 7). Мы, конечно, уже испытали это и отчасти знаемъ ея могущественное дѣйствіе. Но какъ разъ на этомъ пунктѣ мнѣ хотѣлось бы остановить тебя, мой братъ, чтобы ты задался серьезнымъ вопросомъ: „Для того ли только существуютъ смерть и Кровь Господа, чтобы мы согрѣшали и осквернялись постоянно, дабы потомъ онѣ снова очищали насъ отъ всякой скверны?“ Не правда ли, мы чувствуемъ, что такія мысли уже суть новое осквернение нашей души, ибо онѣ ведутъ къ признанію нечистой святую Кровь, именно тѣмъ, что мы употребляли бы ее на служеніе грѣху. Не для того предназначена она! О, пусть никто изъ насъ не заканчиваетъ съ такимъ мнѣніемъ своей трудовой повседневной жизни. Не сдѣлалъ ли Онъ, омывшій и очистившій насъ Своею Кровію, это для того, чтобы мы *не согрѣшали* (I Іоан. 2, 1), но напротивъ, хранили бы себя отъ скверны? Развѣ нѣтъ у Него предупреждающаго средства, которое могло бы закрыть наши оскверняющіе источники? О, да! Это, именно, та дивная сила смерти Господа, которая ставитъ преграду всякому осквернению, если мы, конечно, отдаемся въ ея владѣніе. Предай же твое ухо, твою руку, твою ногу владычеству Крови и смерти Іисуса Христа, какъ это прежде совершали очищенные прокаженные (Лев. 14, 25), но еще болѣе, предай каждый твой членъ, всякую новую мысль, всю твою жизнь и всѣ твои намѣренія этой предохраняющей силѣ и она закроетъ тѣ двери, черезъ которыя можетъ проникнуть эта скверна, и—она будетъ всегда держать ихъ закрытыми. И если ты, подобно ап. Павлу, *будешь въ тѣлѣ своемъ носить мертвость Господа Іисуса* (2 Кор. 10, 11), то станешь господиномъ всѣхъ твоихъ сквернъ и *жизнь Іисуса откроется въ твоемъ смертномъ тѣлѣ.*

Исходя далѣе изъ послѣдующей точки зрѣнія Божія, мы можемъ во многихъ отношеніяхъ, на поставленный нами вопросъ, что есть грѣхъ, сказать также, что грѣхъ есть *пріобрѣтенная привычка.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. В. Каргель.

* * *

Ночь. Тихая лѣтняя ночь...
Окно мое открыто...
Я мыслью улетаю прочь,
Гдѣ тайное сокрыто.
Въ надзвѣздный край душа летитъ,
Отъ счастья льются слезы...
Природа тихо мирно спитъ,
Не нарушая грезы.
Духовный взоръ мой устремленъ
Въ небесную обитель.
Умъ мой величьемъ поражонъ:
Тамъ царствуетъ Спаситель!
Тамъ струны арфы золотой
Звучатъ не умолкая,
Внимаю пѣсни дивной той
Среди природы Рая.

Е. Офрова.

Пустосвятство.

Михаилъ М-скій. Отъ бурсы до снятія сана.
Изданіе бывшаго М. В. Попова. Петрогр. 159 ст. Ц. 1 р.

I.

Въ живой, увлекательной формѣ дневника, авторъ книги „Отъ бурсы до снятія сана“ вспоминаетъ различные этапы своего іерейства, причемъ попутно разсказываетъ о своихъ внутреннихъ переживаніяхъ и отмѣчаетъ хорошіе и дурные типы изъ рядовъ византійскаго духовенства. Цѣль его дневника „прослѣдить, какъ я изъ человѣка, мало-мальски желающаго добра людямъ, превращаюсь въ настойчиваго сборщика податей“. Нѣтъ основанія не вѣрить этому простому, правдивому разсказу бывшаго священника, который, овдовѣвъ, принужденъ былъ снять санъ, чтобы жениться во второй разъ. И мы остановимся на нѣкоторыхъ, отмѣченныхъ въ этой книгѣ, переживаніяхъ.

Всякая грандіозная постройка должна основываться на твердомъ, крѣпкомъ фундаментѣ и начинать оную можно тогда, если всѣ средства на издержки окажутся на-лицо. Въ противномъ случаѣ, во время дождя и вѣтра, построенное непрочно рухнетъ, а не доведенная до конца постройка будетъ позорнымъ памятникомъ легкомыслія и несостоятельности. Тѣмъ болѣе должно быть прочно основаніе духовнаго домостроительства человѣка, посвящающаго себя на отвѣтственное служеніе пастырства. На этотъ священный постъ нельзя ставить людей невозрожденныхъ свыше, нельзя создавать особую касту „воспреемниковъ“, далекихъ по жизни и устремленію отъ завѣтовъ апостольскихъ указаній, нельзя производить „сборщиковъ податей“, думающихъ только о хлѣбѣ насущномъ. И потому, что весь церковный укладъ господствующей ортодоксіи основанъ лишь на мертвой буквѣ, чуждой духу Евангелія, и происходитъ вся та неурядица и рѣзкое расхожденіе слова съ дѣломъ.

Въ семинаріи въ теченіи 6 лѣтъ будущіе пастыри проводили время въ зубрежкѣ заданныхъ уроковъ и дѣтскихъ шалостяхъ. И преподаватели, за исключеніемъ одного, отзывчиваго и добраго умника, котораго за дружбу съ бурсаками скоро перевели въ другой городъ, всѣ были нелюбимы. „Въ самомъ дѣлѣ, что дала намъ семинарія?“ восклицаетъ М. М-скій и, вспоминая любимаго учителя, заявляетъ: „А объ остальныхъ преподавателяхъ, которые дѣлятъ всѣхъ на двоешниковъ, троешниковъ и четверошниковъ и неуклонно въ теченіи шести лѣтъ ставятъ отмѣтки не за отвѣты, а, смотря потому, въ какомъ разрядѣ состоитъ у нихъ ученикъ—какой толкъ намъ отъ такихъ учителей? А злосчастная пасхалія, гомилетика, литургика, догматика, основныя и нравственныя богословіи. Къ чему вся эта сушь?“ „Мы не учили библію, а только просмотрѣли, перелистовали, осо

бенно евангеліе и посланія. Времени не было. На пасхаліи, латинскій, греческій языки и под. было, а на это нѣтъ".

Инспекторъ Дубинкинъ не позволилъ положить въ семинарскую больницу больного дифтеритомъ ученика изъ боязни, что онъ заразитъ тамъ его больного племянника. Дифтеритный скоро умеръ и бурса взбунтовалась. Перебили лампы, посуду, стекла въ квартирѣ инспектора. На сосѣднихъ дворахъ появились наряды полиціи. „Но бурсаки перелѣзли черезъ стѣну въ полисадникъ, опять перебили окна у инспектора и улизнули прежде, чѣмъ полиція сообразила, кто и откуда бьетъ". Бунтъ кончился исключеніемъ двадцати бурсаковъ. И этотъ Дубинкинъ положительно изводилъ бурсу. „Горе тѣмъ, которыхъ Дубинкинъ про себя причислитъ къ лику глупыхъ. Издѣвательствамъ его конца нѣтъ. Наконецъ, онъ славно налетѣлъ на Ванечку О-ва. Почему то Дубинкинъ причислилъ его къ разряду глупцовъ. Вспыльчиваго и самолюбиваго Ванечку это давно бѣсило.

„Сегодня Дубинкинъ вздумалъ поиздѣваться надъ Ванечкой по поводу виѳлеемской звѣзды.

— Гдѣ явилась виѳлеемская звѣзда,—спросилъ Дубинкинъ и все лицо его приняло такое выраженіе, что на немъ всякій могъ прочесть: „А ну посмотримъ, какую глупость ты сморозишь".

Ванечка покраснѣлъ до корей волосъ, но не потерялся.

— Гдѣ?—отвѣчалъ онъ съ такой интонаціей въ голосѣ, что всякій ясно услышалъ: „о чемъ, дуракъ, спрашиваешь-то?"

— Гдѣ? На небѣ.

— Знаю, что не на землѣ,—ощетинился инспекторъ.

Всѣ готовы были расцѣловать смѣльчака, а съ заднихъ скамей „камчатки" неслось тихое, по всему классу лошадиное ржаніе искусстника „Степаныча" К-го.

Новый ректоръ, „полуспившійся, полусумасшедшій вдовый священникъ принялъ монашество и какими то судьбами получилъ ректорство и архимандритство". И такому человѣку довѣряется воспитаніе юношества! Онъ отнимаетъ у скучающихъ въ рождественскіе каникулы бурсаковъ „Обрывъ" Гончарова: „Вамъ нужно читать слово Божіе, твореніе св. отцовъ, а вы какой то „Обрывъ". Что вамъ нравится въ этихъ книгахъ? Амуры разводятся, любовь, любовь?!."—ворчалъ онъ и не обращалъ вниманія на то, что учениковъ кормятъ щами, „въ которыхъ бѣлыя, какъ вермишель, черви плаваютъ такъ густо, что на каждую зачерпнутую ложку приходится ихъ около восьми штукъ". „Черви противны, но ѣсть хочется. Послѣ обѣда тошнитъ, но все же это не муки голода".

Отмѣчается и еще одинъ воспитатель, пьяница, прозванный „свинья" „за пристрастіе къ сильнымъ рѣченіямъ и несомнѣнную склонность поступать по образу и подобію свиньи".

И нѣтъ ничего удивительнаго, что воспитанники занимались всякимъ „спортомъ" и проказами. Читаютъ тайкомъ запрещенныя книжонки, рѣжутся въ карты, въ шашки и щеголяютъ „остроумiемъ". Обладая способностью воспроизводить въ единый моментъ самыя рѣзкія противоположности, „Степанычъ" подражаетъ пискуну епископу, читающему евангеліе: „Симоне Іонинъ, любиши-ли мя?"—и тутъ же безъ малѣйшей паузы грянетъ протодіакономъ: „благослови, владыко!"—Но уже нѣтъ и протодіакона, вмѣсто него нѣжный дискантъ поетъ: „исполла эти деспота!"—Исполатчика смѣняетъ нижайшая октава, а потомъ къ общему восторгу раскатывается: „Не бѣлы-то снѣга". „Грѣхъ и смѣхъ со Степанычемъ на клиросѣ; когда мы поемъ кафизму: „отверзу уста моя",—онъ въ это время изображаетъ игру „на сопѣлкахъ" и кромѣ того пускается въ объясненіе текста церковныхъ пѣснопѣній, утверждая, что гугнивый Моисей значитъ гнусавый Моисей. Въ церкви онъ, какъ нарочно, особенно изобрѣтателенъ. Недавно онъ притащилъ на клиросъ картину: „Мужикъ и цыгане". Когда мы стоимъ въ алтарѣ, и ректоръ уйдетъ на поліелей, на середину, онъ нарядится въ его рясу и клобукъ и въ святомъ мѣстѣ водворяетъ мерзость смѣхотворнаго скоморошества".

Все же на послѣднемъ курсѣ юнцы стали задумываться надъ вопросами вѣры и будущаго пастырства. „Семинарщину при свѣтѣ новыхъ вопросовъ подвергли рѣзкой критикѣ и вынесли ей если и не смертный, то все же и не оправдательный приговоръ". „И зачѣмъ это учатъ не тому, что нужно, а тому, что никому не нужно, какъ эта пасхалія, этотъ дрянный учебникъ Августина по основному богословію". Является сожалѣніе объ отсутствіи знаній практической жизни крестьянъ, сельскаго хозяйства, ветеринаріи, медицины. „Боже мой! Какимъ бы полезнымъ дѣятелемъ былъ священникъ!" Возникаетъ интересъ къ вопросамъ общественности и религіи. Горячо обсуждаются идеи славянофиловъ Хомякова, Самарина, много споровъ надъ „Крейцеровой сонатой" Толстого. „Таинство"—бракъ или „похоть"?.. И спорамъ нѣтъ конца. Многіе горятъ „желаніемъ поработать на пользу людей, особенно крестьянства". Хорошіе порывы вызываетъ чтеніе Достоевскаго, Щедрина и др...

Но вотъ и выпускные экзамены, а тамъ прощаніе съ семинаріей, ничего не давшей душѣ, и съ товарищами-бурсаками. Пора выступать въ жизнь, на работу! Многіе уже успѣли присмотрѣть себѣ невѣстъ и завертѣлись въ колесѣ суеты житейской. „Завтра я надѣну рясу. Я надѣну ее съ большимъ удовольствіемъ. Завтра мнѣ будутъ пѣть аксіосъ и: „Исаіе ликуй". Я буду повѣнчанъ церкви. Я недостоинъ. Но Господь вѣдаетъ, что я искренно хочу служить Ему, служить благоговѣйно".

II

По Слову Божію въ діаконы должно избирать испытанныхъ, безпорочныхъ людей, „хранящихъ таинство вѣры въ чистой совѣсти"; въ Византійской церкви отсутствуетъ избраніе и практикуется исключительно назначеніе служителей клира изъ ставленниковъ семинарій, сообразно рекомендаціямъ и личнымъ симпатіямъ. Прихожанъ „мірянъ" даже и не спросятъ о желаемыхъ служителяхъ церкви, а пошлютъ очередного бурсака, который постепенно и сольется съ массой своихъ предшественниковъ. Каковы же эти „повѣнчанные церкви" стихареносцы? Разные бываютъ.

Будучи еще бурсакомъ, авторъ познакомился съ однимъ діакономъ, который и разсказывалъ ему о чудо-богатыряхъ старинныхъ протодіаконахъ. „Когда мы служили съ Ивличемъ, повѣствовалъ діаконъ, намъ передъ обѣдней приносили четверть (ведра). Ивличъ возьметъ, поболтаетъ и выпьетъ, оставитъ въ четверти около бутылки, или можетъ быть, немного побольше. „Это тебѣ щенокъ",—говорилъ обыкновенно Ивличъ и передавалъ четвертную бутыль мнѣ. Я тоже взбалтывалъ и осушалъ до дна. Послѣ этого мы минутъ пятнадцать отхаркивались, а потомъ шли служить и служи-

ли... не вру, какъ хватитъ Ивличъ, такъ стекла все равно отъ грома дребезжали. Да-съ, заключалъ діаконъ.—у меня вотъ голосъ. А въ сравненіи съ ними мы гудѣли, какъ комары на болотѣ, а они рыкали, какъ львы". Такимъ „непристрастіемъ къ вину" отличались старинные отцы діаконы. И разсказывается все это въ добродушномъ тонѣ, точно такъ оно и всегда должно быть, и не иначе...

Но какъ относятся къ дѣлу новоиспеченные отцы „хранители таинствъ вѣры"? Встрѣтилъ М-скій товарища, уже діакона, въ рясѣ. Тотъ и говоритъ ему: „Смотри, заучи обѣденный разговоръ"—Какой разговоръ?—„Разговоръ попа съ дьякономъ за обѣдней"—Это: „помри владыко" что-ли?—„Есть и еще много такихъ разговоровъ предъ началомъ обѣдни и послѣ „Иже херувимы". Мы сейчасъ съ товарищемъ Х. служимъ. Давеча я ему говорю: „помолимся, владыко святый",—а онъ мнѣ шепчетъ: „ну. тебя! я съ тобой калякать не умѣю. Иди" Я и пошелъ. Сегодня за всенощной я подхожу къ нему съ кадиломъ и говорю: „помотать, владыко?—а онъ мнѣ „помотай". Послѣ онъ меня спрашиваетъ: „Ты чего шепчешь, когда кадишь, знаешь 50-й псаломъ?" Я говорю: нѣтъ. „Что же ты приговариваешь?"—Сначала немножко: „помилуй мя, Боже", а потомъ „хочешь нюхаешь, хочешь нѣтъ" Смѣется. Заучи"...

Какихъ вдохновенныхъ порывовъ, какого подвига любви и благочинія, какого примѣра святости жизни можно ожидать отъ подобныхъ лицъ, которыя уже по заведенному шаблону поступали служить къ хозяину—церкви и смотрѣли на свое дѣло, какъ на ремесло. Все-же самъ М-скій вначалѣ искренно хотѣлъ служить Богу, служить благоговѣйно, работать на пользу крестьянъ. Но съ перваго же шага, онъ наткнулся на препятствіе въ лицѣ священника о. Лавра, давнишняго угнетателя своего дьячка, отца автора. Завязывается глухая, скрытая, а потомъ уже и явная вражда—непріязнь. „Согну въ бараній рогъ",—бахвалится попъ. Но молодой діаконъ не сдается, энергично принимается за устройство школы грамоты, въ которую охотно посылала дѣтвора. Отецъ Лавръ, на зло діакону, въ его отсутствіе, ломаетъ замки и переводитъ школу въ другое неудобное мѣсто. Дѣвочки бѣгутъ отъ попа и занятіе продолжается на полу. Только вмѣшательство земскаго начальника кладетъ конецъ этой склыки въ пользу діакона. Тогда попъ захватываетъ покосъ діакона и забираетъ себѣ. Снова земскій начальникъ и судъ. Доносамъ о. Лавра архіерею нѣтъ конца „о нерадѣніи по службѣ", „о не законномъ произнесеніи проповѣди экспромтомъ", хотя эти проповѣди и нравятся мужикамъ, и т. д. И въ душѣ молодого діакона закипаетъ горечь обиды и раздраженія. „Боже мой! какую ненависть онъ питаетъ ко мнѣ!—восклицаетъ авторъ.—Я его тоже... не жалую. А служимъ Богу... любви. За обѣдней онъ говоритъ: „Христосъ посреди насъ", а я отвѣчаю: „и есть и будетъ". По служебнику такъ,—а по совѣсти я долженъ бы отвѣтить: „нѣтъ и не будетъ". Дьяволъ между нами, а не Христосъ. Сколько разъ я собираюсь сказать тихонько не по служебнику, а по совѣсти!? Смириться, попросить прощеніе—сочтетъ за слабость, трусость... Его злобу можно побѣдить только смиреніемъ святого. Нужно не голое смиреніе, а смиреніе облеченное любовью. Любить, любить этого тарантула, который 20 лѣтъ жалилъ моего отца! Не любовь, а злоба закипаетъ у меня оротивъ него... „Христосъ посреди насъ?".. Какъ онъ смотритъ въ это время на насъ? Два злобныхъ дьявола говорятъ: „Христосъ посреди насъ". Представленіе хоть куда!" И еще жалоба: „О. Лавръ гонитъ меня за устную проповѣдь, за школу, за бесѣды съ молоканами, за чтеніе для народа и добро бы меня одного, преслѣдуетъ жену, кухарку, знакомыхъ. А я, глупецъ, мечталъ—послужить подольше діакономъ, лѣтъ до 30-ти, приготовиться какъ слѣдуетъ къ пастырству, поучиться святому дѣлу у опытныхъ священниковъ.. Бѣжать, бѣжать отъ нихъ за тридевять земель. бѣжать какъ можно скорѣй". И М-скій подаетъ, прошеніе о переводѣ въ другой приходъ.

На ряду съ непрерывной борьбой съ попомъ, молодой діаконъ открываетъ въ себѣ новый уклонъ отъ намѣченнаго идеала. „Замѣчательно, пишетъ онъ, что мои отношенія къ денежному вопросу уже измѣняются. Я весьма озабоченъ тѣмъ, чтобы при свадьбахъ мужики и ко мнѣ являлись съ „хлѣбомъ-солью", и принимаю мѣры къ тому, чтобы меня не обходили. Скоро! Давно ли я блисталъ безкорыстіемъ и вотъ—голодъ, а я напоминаю о „хлѣбѣ-соли!" До того ли имъ (мужикамъ) теперь?" И, слѣдя за тѣмъ, какъ онъ постепенно превращается „въ настойчиваго сборщика податей", онъ находитъ, что себя и жену любитъ больше, чѣмъ другихъ, а съ рожденіемъ сына, сталъ еще и трусливымъ. „Я имѣю такое сердце, что оно не только не способно вліять благотворно на окружающее, но само всецѣло находится подъ дѣйствіемъ послѣдняго. Любятъ меня люди, и мое сердце любитъ: ненавидятъ, и я ненавижу: дѣйствовать противъ ненависти любовію—паровъ нѣтъ. Какъ христіанинъ, я голый нуль". И въ такія минуты является горячее желаніе снять санъ, особенно, когда допекаетъ іерей. „Чѣмъ служить дьяволомъ въ стихарѣ, лучше быть міряниномъ, вдали отъ всѣхъ отцовъ Лавровъ и Василіевъ"...

На прошеніе послѣдовало отъ архіерея предложеніе мѣста священника въ селѣ Т. О.—молоканскомъ Іерусалимѣ. М-скій съ горечью замѣчаетъ: „послѣдовательность: то гонитъ, запрещаетъ, бесѣдовать, доводитъ чуть не до снятія сана, и-вдругъ въ качествѣ „энергичнаго пастыря" выдвигаетъ для борьбы съ сектантствомъ". Мѣсто оказалось не доходное, всего можно ожидать 200 р. въ годъ. Но архіерей обѣщаетъ увеличить содержаніе и авторъ соглашается. Сознаніе душевной пустоты не оставляетъ его, угнетаетъ отсутствіе самоопредѣленности и обиліе самолюбія. „Себя не знаю, а берусь другихъ руководить. Самозванство, Боже, какое самозванство. Самъ подалъ прошеніе„ могу и хочу"... Онъ знаетъ тяжесть креста священства, но манитъ его и нѣчто другое. Совѣсть не ложно говоритъ ему: „Меня манитъ приволье священнической жизни: тихая, уютная жизнь, свобода, просторъ и вѣрный довольно сытный кусокъ хлѣба, кусокъ хлѣба особенно. Чтобы проглотить этотъ кусокъ, я добиваюсь благодати Св. Духа". „О. Лавръ, о. Василій—священники и сколько ихъ? Завтра я увеличу число священниковъ, ищущихъ не Божьяго, а своего". И будущій іерей мечатся въ жгучей тоскѣ, подъ гнетомъ собственнаго ничтожества. „Мнѣ еще далеко до рядового, но добраго христіанина, а я уже діаконъ, а завтра священникъ".

Живая, ищущая правды душа не можетъ мириться съ мертвой формалистикой, съ соединеніемъ несоединимаго, съ сліяніемъ свѣта со тьмой, съ кощунствомъ надъ святое-святымъ вѣрующихъ сердецъ. Оглядываясь назадъ, авторъ видитъ лишь сплошное болото низменныхъ, грязныхъ страстей рабовъ грѣха въ рясѣ и безъ рясы, видитъ

въ себѣ только „голый ноль“ христіанства и все-же идетъ въ пастыры, не находя въ себѣ силы—отказаться. „Господи! я знаю, что завтра я совершу предъ Тобой великое преступленіе, и все-таки не могу удержаться, чтобы не совершить его, потому что я малодушный и дрянной человѣкъ: епископа боюсь прогнѣвить, родителей и жену огорчить. Перспективы „батюшки“ и „матушки“ тамъ, поди ужъ, смакуютъ. Какъ тяжело, какая мука! По дѣламъ вору и мука!..“

Вѣдь, правда, какъ тяжело честному человѣку сознаніе, что онъ похищаетъ, воруетъ чужія сокровища, наряжается въ костюмъ самозванца, прикрывая всякій порокъ полученой „благодатію“.

III.

Занялъ М-скій мѣсто священника и весь погрузъ въ совершеніе богослуженій, требоисправленій, доходы, да писаніе рапортовъ по начальству. Душа его болѣла подъ гнетомъ создавшихся вѣковыхъ устоевъ и противорѣчія жизни съ потребникомъ волновали сердце, но эту лямку онъ продолжалъ тянуть, пока сложившіяся обстоятельства не заставили снять рясу.

Въ первую же недѣлю іерейской службы, авторъ открылъ, что исповѣдь прихожанъ, сравниваемая съ леченіемъ, скорѣе похожа на сваливаніе навоза. „Швырокъ, другой, третій; живо-живо! Чѣмъ скорѣй и чище, тѣмъ лучше. Не живая исповѣдь души, а что то механическое, напоминающее не врачебницу, а мельницу. То исповѣдники засыпаютъ грѣхи, а я перемалываю ихъ какъ жерновъ: да-да, да-да! То, наоборотъ, я засыпаю, исповѣдники мелютъ: „грѣшникъ, грѣшникъ“.

И какъ иллюстрацію, священникъ приводитъ исповѣдь одной старушки. Попросила она, чтобы ее исповѣдывать по потребнику. „Такъ мы привыкли“—настаиваетъ она. Онъ согласился: нить грѣховъ уже не оборвется не во время. „Начинаю читать по потребнику,—разсказываетъ М-скій.—„Грѣшница, грѣшница, грѣшница“—поддакиваетъ обрадованная старуха, заскакивая впередъ меня на два—на три грѣха. Я пріостановился.—„Грѣшница, грѣшница...“ Самопрялка. Не вертишь, сама повернется разъ, другой,—подумалось мнѣ. Снова началъ читать.—„Грѣшница, грѣшница, грѣшница...“ Слушаетъ ли она меня, понимаетъ ли о чемъ я ей читаю? — Не убивала-ли?—„Грѣшница, грѣшница...“—Кого же ты убила? — „Грѣшница, грѣшница...“ Мнѣ стало досадно: заладила! Пересталъ читать. Авось опомнится.—„Ты...“—„Грѣшница, грѣшница...“—„Погоди!..“—и я взялъ ее за плечо. Старуха бухнулась въ землю, ожидая конца.—„Слушай! ты кого убила-то?“ Старуха взглянула на меня со страхомъ и удивленіемъ. „Что ты, батюшка, Богъ съ тобой. Я никого не убила. Спаси Господи! Что я за разбойница! Насъ съ измальства такъ учили: батюшка будетъ читать, а ты говори: „грѣшница“. До старости дожила, а исповѣдуется все такъ, какъ съ измальства исповѣдывалась. Ни на волосъ не подвинулась. Толпа тѣснилась около меня, напирала, пора было отпустить старуху. Иначе не переисповѣдуешь. Я прочиталъ разрѣшительную молитву.—Что она понесла отъ меня?—думалъ я, глядя вслѣдъ старухи.—Ничего, рѣшительно ничего... „Прости мнѣ, Господи! Я думаю, что я ихъ не исповѣдывалъ“—съ горечью восклицаетъ въ заключеніе авторъ, безсильный побороть невѣжество своей паствы.

Не лучшаго онъ мнѣнія и о составляемыхъ проповѣдяхъ и поученіяхъ для народа. „Наши проповѣди—документальныя доказательства нашей духовной смерти, катехизическія поученія запахъ тлѣнія издаютъ сильнѣе всѣхъ другихъ видовъ нашей гомилетической стряпни“... И тутъ же авторъ объясняетъ, почему это такъ. Получивъ указъ изъ консисторіи, сытно покушавшій какой-нибудь батюшка долженъ написать катехизическое поученіе. „Сонный, вялый и сердитый садится онъ за работу съ чувствомъ отвращенія къ надоѣвшимъ хуже горькой рѣдьки текстамъ, къ неинтереснымъ для него религіознонравственнымъ темамъ. Очень ему нужно спасеніе души, таинства, онъ мечтаетъ объ офицерствѣ, о веселыхъ кутежахъ, успѣхахъ по службѣ и у женщинъ... и вотъ изволь-ка разводить канитель пустосвятства“. Но писать нужно и вялыя, сонныя, равнодушныя строки вытекаютъ изъ подъ сытаго пера духовнаго отца. Что могутъ ожидать прихожане отъ такой „проповѣди“? Запахомъ смерти, „пустосвятствомъ“ несетъ отъ нея. „Таковы результаты фабрикованія поповъ на основаніи пятибальной системы“.

И, прослуживъ больше года, М-скій еще не знаетъ съ чего ему начинать, какъ продолжать духовную стройку? Ему даже не ясно, что такое приходъ вообще и что онъ, пастырь, въ отношеніи къ своему приходу? Приходъ есть мелкая церковно-общественная единица. Но если изъ него исключить числящихся на бумагѣ сектантовъ, полуправославныхъ, такъ называемыхъ „никудышниковъ“, то сколько останется своихъ, соединенныхъ вѣрою? А вотъ еще кучка людей, вѣрящая въ житіе святыхъ, какъ въ боговдохновенное слово Божіе, священникъ же смотритъ на нихъ, какъ на біографіи, а иногда религіозныя легенды,—что у нихъ общаго съ нимъ. „Кучка вѣритъ, что Духъ Святой повелѣвалъ иногда вырѣзывать не только мужчинъ, но и женъ и дѣтей, кучка вѣритъ, что все, что есть въ библіи отъ слова до слова, до іоты—свято, а я Божье считаю Божьимъ, а человѣческое человѣческимъ, хотя бы послѣднее и выдавалось за Божье“. И авторъ приходитъ къ заключенію: „связи между мной и ядромъ моего прихода нѣтъ. Если бы я напрямки повѣдалъ имъ о моихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, они признали бы меня за злѣйшаго еретика. Въ свою очередь они для меня—невѣжды, полухристіане. И такъ я голова прихода, отдѣленная отъ всего тѣла, мертвая голова, не существующая какъ голова... Мертвечина—причина раздѣленія. Церковное руководство—фикція, церковныхъ геніевъ нѣтъ, да если бы и появились, ихъ заставятъ молчать тѣ, которымъ дорогъ покой мертвыхъ. Всякій, кому дорогъ Богъ, Христосъ, разбирается самъ, одними своими силами. Церковные законы создаются не геніями и талантами церкви, а самой жизнью, и потому эти законы также разнообразны, какъ различны люди ихъ создающіе и требованія, удовлетворенію которыхъ они служатъ“...

Не ладно дѣло поставлено и съ пожертвованіемъ, которое все „выгребается благочиннымъ“ „похищается на нужды духовнаго вѣдомства“. И бѣда еще въ томъ, что церковь, какъ объединенное цѣлое, не можетъ заниматься благотворительностію безъ разрѣшенія далеко живущихъ властей. „Руками церкви православной не могутъ творить дѣлъ любви, устами церкви (всей, а не псаломщика и священника) православные не могутъ славословить Бога, церковь (вся, какъ въ первое время) не можетъ поучать, назидать вѣрующихъ Скованы могучій умъ церкви и широкое сердце. Вмѣсто пламенныхъ рѣчей пророковъ церкви—

скучныя іерейскія проповѣди по книжкѣ, вмѣсто братскихъ пѣснопѣній церкви—Господи помилуй 40 разъ! Гдѣ тотъ врагъ, который такъ обезобразилъ, унизилъ „мать“ церковь?!. Зачѣмъ же насъ посылаютъ водить скованныхъ „оковами желѣзными“, обреченныхъ на неподвижность? Послать къ скованнымъ пастырей разслабленныхъ, слѣпыхъ, безногихъ?—Смерть и тлѣніе! Мы, значитъ, самые подходящіе... могильщики“.

Іереи Бога всевышняго, служители церкви Христовой раздѣляются на три замѣтныхъ группы: на идейныхъ пастырей, которые при всѣхъ тяжелыхъ и ненормальныхъ условіяхъ духовнаго оскудѣнія, горячо борятся за высокіе идеалы пастырства. но ихъ немного; большинство же состоитъ изъ рядовыхъ батюшекъ, дрожащихъ за свое житейское благополучіе и во имя его жертвующихъ своими прямыми обязанностями, идущихъ на сдѣлку съ совѣстію: и, наконецъ, много іереевъ, которые устранили отъ себя все, могущее безпокоить и разбивать мѣщанскія мечты о личномъ благополучіи, механически исполняющихъ предписаніе свыше безъ разсужденія.

М-скій по натурѣ принадлежитъ къ разряду неспокойныхъ, „много разсуждающихъ“. Его не жалуетъ начальство, духовное и гражданское. Но онъ занимаетъ одинъ изъ плохихъ приходовъ, поэтому не боится перевода на худшій и не раболѣпствуетъ предъ архіерейскими креатурами-миссіонерами и наблюдателями. „Я свободно держу себя, въ ихъ присутствіи и свободно высказываю свое мнѣніе, хотя бы оно и не нравилось вліятельнымъ прихвостнямъ. И кто только не гнетъ нашего брата?! Наблюдатели—епархіальные и уѣздные,—миссіонеры, благочинный, земскій начальникъ, становой. И гнутся іереи, кроятъ всѣмъ угодливыя улыбки и берегутъ для всякаго чина вина и закуски... Я никому не кланяюсь, никого не угощаю. За то меня давно хотятъ съѣсть, но только колются какъ собаки объ иглы ежа. Пока въ приходѣ у меня спокойно, голыми руками вы меня не возьмете, господа!“

А преслѣдованіямъ, доносамъ, выслѣживаніямъ тайныхъ соглядатаевъ нѣтъ конца и не разъ жена М-скаго просила его переѣхать въ другой приходъ.

Уѣздный протоіерей достигъ чиновъ и орденовъ, благодаря громадному росту, величественной бородѣ и гибкой спинѣ. Онъ терпѣть не можетъ умныхъ священниковъ, выдвигаетъ только тѣхъ, которые не умнѣе его. „Топить умныхъ, отличать глупыхъ—тактика всѣхъ, за малымъ исключеніемъ, благочинныхъ. Прямой расчетъ. Умный—опасный соперникъ самому о. благочинному и подъ ладъ не такъ скоро дается. Глупый—совсѣмъ другая статья“. На посланной ему авторомъ проповѣди, для просмотра онъ положилъ рецензію: „Много разсужденія, мало назиданія и ничего поучительнаго въ семъ сочиненіи я не нахожу“. Разсужденіе противополагается назиданію. И такой о. протоіерей себѣ въ кандидаты уже не назначитъ умника. „Этимъ объясняется, что по нравственному облику духовенство уѣзднаго города ниже сельскаго, а губернскаго—ниже уѣзднаго. Приложатъ клеймо: „много разсуждаетъ“,—или просто „разсуждаетъ“,—ну, и спѣта пѣсенка, до протоіерея не дослужится и въ городъ не попадетъ. А если балда съ „апостольскимъ видомъ“—намъ такихъ и надобно!“ Зло, но вѣрно выражена мысль.

И дальше слѣдуетъ сравненіе старыхъ іереевъ съ новыми священниками. Старые жили просто, имѣли свои дома, сады, огороды, сами работали топоромъ и вилами. Новые, это—цыгане, у которыхъ отечество тамъ, гдѣ лучше. „Сильнѣйшая ихъ привязанность къ богатѣйшимъ приходамъ. Нѣтъ примѣровъ, чтобы священники отказывались отъ богатыхъ приходовъ. Алчность духовенства культивируется, возрастаетъ. Народился типъ кулака въ рясѣ, который беретъ за то, что причащаетъ, за то, что не причащаетъ (разъ его потревожили, а болѣзнь прошла). Кулакъ въ рясѣ также не деликатничаетъ съ народнымъ карманомъ и горломъ, какъ и кулакъ въ пиджакѣ“. Слѣдуютъ примѣры „кулачества“ и дальше выводъ: „Безпринципность становится общимъ явленіемъ, потому что переводы священниковъ изъ года въ годъ и изъ края въ край стали излюбленными орудіями власти духовныхъ владыкъ. Духовенство стало чѣмъ-то въ родѣ буфера между власть имѣющими и народомъ. Отъ него требуютъ, чтобы оно было устойчиво и, главное, эластично. Оно не можетъ слиться съ народомъ, потому что поставлено въ необходимость вымогать изъ народа добровольныя пожертвованія; не можетъ составить вмѣстѣ съ епископомъ касту господствующихъ, потому-что епископъ антагонистъ своему духовенству, не только въ качествѣ самодержавнаго духовнаго князя, но и въ качествѣ монаха“.

Священники — карьеристы мало озабочены духовнымъ состояніемъ своихъ овецъ, но за то они очень стараются пріобрѣсти скуфейку фіолетовую и для этого занимаются украшеніемъ и стройкой многотысячныхъ храмовъ, и добиваются своего. „Неизвѣстно, сколько пользы принесутъ народу возведенныя зданія, но въ качествѣ частей механизма, высасывающаго послѣдніе соки изъ народа, они служатъ хорошо“. Въ росписѣ храмовъ часто много погрѣшностей противъ требованій нравственнаго чувства. „Чтобы видѣть роспись со всѣмъ разгуломъ цинизма, безстыдства, нужно посмотрѣть роспись въ селѣ Богдановкѣ. Я былъ и въ этомъ храмѣ. — „Взгляните направо“, — шепнулъ мнѣ на ухо псаломщикъ, какъ только мы переступили порогъ. На задней стѣнѣ храма были нарисованы во весь ростъ голые Адамъ и Ева. Послѣдняя не спиной и не бокомъ, а всѣмъ передомъ. Въ ея открытыхъ дѣвственныхъ персяхъ, очевидно, весь смакъ картины. Въ куполѣ тоже голая Ева, но тамъ она написана съ цѣлью обратить вниманіе на ея торсъ. И всѣ вообще женщины изображены съ невѣроятными бюстами и бедрами. На сельско-хозяйственныхъ книжкахъ съ такими рессурсами материнства изображаютъ молочныхъ коровъ. Руководившій росписью священникъ недаромъ утратилъ половину своей длинной бороды: женскіе бюсты были его маніей. Грязь одурѣвшаго отъ пьянства и бездѣлья попа безвозбранно внесена въ храмъ и предложена народу въ качествѣ святыни. Русскій народъ нигдѣ не бываетъ такъ чистъ и высокъ душой, какъ въ храмѣ. Онъ по справедливости могъ бы быть названъ „народомъ—христіаниномъ“, если бы былъ всегда и вездѣ такимъ, какъ въ храмѣ. И въ это мѣсто святыхъ размышленій народа, вносится такая „мерзость“. И это называется церковная жизнь! Нѣтъ смерть, и позорная смерть!“.

Не переживъ лично борьбы съ своими грѣховными наклонностями, любившій и выпить съ друзьями и забывшись пустить „чернаго“, М-скій и въ своихъ проповѣдяхъ помалкиваетъ о томъ, „какъ начинается тотъ или другой грѣхъ, при какихъ обстоятельствахъ усиливается, при какихъ ослабѣваетъ и чѣмъ въ корнѣ уничтожается“.

„Невѣдома намъ область грѣховной психологіи и страшна въ то же время". „Вѣра наша не нажита нами, какъ наживалъ ее Августинъ и др. Она получена нами въ готовомъ видѣ, какъ самая дорогая и прекрасная вещь, съ которой мы тщательно сдуваемъ пыль. Заглянуть внутрь—или боимся, или лѣнь".

И всматриваясь въ прошлое, провѣряя себя, онъ находитъ: „Во мнѣ и слѣда не осталось отъ самоувѣренности гайскаго діакона. Я слабъ, лѣнивъ и себялюбивъ. Сколько разъ мнѣ приходило въ голову, что человѣкъ много разъ умираетъ за долго до смерти: умретъ отрокомъ — народится юношей, умретъ юношей — востанетъ мужемъ. Умеръ во мнѣ діаконъ. Вѣчная память наивному чудаку! До 30 лѣтъ я горѣлъ... какъ навозъ. Ни кому отъ моего горѣнія ни тепло, ни свѣтло не было".

Сколько печали въ этомъ суровомъ приговорѣ надъ своей десятилѣтней практикой священнослужителя: „ни тепло, ни свѣтло не было!" И это изъ устъ одного изъ чуткихъ, отзывчивыхъ, идейныхъ священниковъ. Конечно, онъ во многомъ сгущаетъ краски и строгъ къ себѣ по внутреннему чувству справедливости. Но много ли у насъ и такихъ „пастырей стада Христова"?. И когда надъ М-скимъ стряслась бѣда, умерла его жена, оставивъ ему шестеро сиротъ и онъ изнемогъ въ борьбѣ за существованіе, а брать къ себѣ въ домъ любовницу въ чинѣ кухарки не пожелалъ, то послѣ долгой и тяжкой внутренней борьбы и глубокихъ переживаній, рѣшилъ жениться вторично и для этого снялъ санъ. И передъ этимъ шагомъ, онъ пишетъ: „желалъ бы, всей душой желалъ бы служить, но какъ служить? Вмѣстѣ съ благочиннымъ я долженъ похищать деньги бѣдныхъ, несчастныхъ прихода въ пользу консисторскихъ, синодскихъ чиновниковъ, учителей духовнаго и епархіальнаго училищъ, вмѣстѣ съ властями я долженъ развращать совѣсть народа присягами по надобностямъ буяновъ, драчуновъ, воровъ, сутягъ... Временами я долженъ быть сыщикомъ, „наблюдать", подслушивать, подсматривать за сектантами, снохачами. Я не чувствую надъ собой руки церковной, христіанской власти. Надо мной консисторія, чиновники, мірская языческая власть. Ей нѣтъ дѣла до спасенія души моей и моихъ прихожанъ. Для нее,—чтобы все стояло въ своемъ чинѣ. Она не возмущается удачно скрытымъ развратомъ попа, кулачествомъ, обираніемъ прихожанъ, но, Господи, того ли Ты требуешь отъ насъ? Боюсь суда Твоего, боюсь соблазнить ввѣренныхъ мнѣ, боюсь, что ноги не дотащатъ меня до алтаря въ тотъ день, когда впаду я въ грѣхъ, и потому ухожу со службы, высокой и честной по идеѣ и любимой, ухожу съ поста, гдѣ во имя Твое не всегда творится Твоя воля". Для снятія сана даже въ присутствіе не позвали. „Расписался, говорятъ „больше ничего". Чудодѣйственныя перья въ консисторіи: „благодать впитываютъ". Возвратился домой М-скій уже съ женою „бывшимъ" священникомъ. „Совершилось громаднѣйшее въ моей жизни событіе; меня оставила благодать священства. А я... хоть бы что. Совѣсть моя покойна. Меня не мучитъ „духъ злой"...

Но всматриваясь въ бѣглые наброски изъ переживаній этого священника, хочется спросить: Да была ли вообще когда на васъ благодать Божія? Сомнительно что-то! Вѣдь не подчинена же она, въ самомъ дѣлѣ, консисторскимъ чиновникамъ! Не виситъ же она на кончикѣ ихъ пера! Благодать—даръ Божій, изливаемый Господомъ непосредственно въ чистые сосуды—возрожденныхъ сердецъ, независимо отъ признаннаго въ іерархіи сана и диплома. И—на чемъ основано ученіе, что благодать находится въ распоряженіи епископовъ, этихъ властныхъ „князей" церкви? Ниже мы приведемъ, какъ смотритъ авторъ разсматриваемой книги и на епископовъ?

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Тимо.

Женщины Ветхаго Завѣта.

Е в а.

Первой женщиной, выступающей на страницахъ Св. Писанія, является Ева, праматерь всего рода человѣческаго. И первыя страницы Библіи разсказываютъ намъ о ней слѣдующее:

I. ЕЯ СОТВОРЕНІЕ.

Великое творчество Господне уже подходило почти къ концу. Его всемогущее Слово призвало вселенную къ бытію. Земля, раньше мертвая, пустынная, покрылась сочными разнородными и разноцвѣтными растеніями. Вода оживилась малыми и большими тварями. Воздухъ наполнился веселымъ чириканіемъ разнородныхъ птицъ, а по землѣ, по всѣмъ ея направленіямъ, двигался и шевелился многообразный и различный животный міръ. Такимъ образомъ, нехватало лишь одного еще существа, которое могло бы стать во главѣ всего созданія и собою завершить всю эту дивную творческую картину. Поэтому Богъ сказалъ: „Сотворимъ человѣка по образу нашему" (Быт. 1, 26). „И сотворилъ Богъ человѣка по образу своему" (Быт. 1, 27).

Читая дальше Св. Писаніе, мы видимъ, что между сотвореніемъ мужчины и сотвореніемъ женщины лежитъ промежутокъ неопредѣленнаго времени.

Сначала мы видимъ, Богъ приводитъ къ человѣку всѣхъ сотворенныхъ Имъ животныхъ для того, чтобы онъ всѣхъ ихъ назвалъ по имени. И когда всѣ твари стали парами подходить къ нему, то, несомнѣнно, что въ сердцѣ перваго человѣка вдругъ явилось страстное желаніе тоже обогатиться подругою, которая могла-бы понимать его, помощницей, которая могла бы жить съ нимъ въ тѣсной дружбѣ. Но Богъ уже и Самъ возымѣлъ въ Своемъ сердцѣ такое желаніе, и, чтобы придать этому подарку большее значеніе, Онъ сотворилъ женщину болѣе таинственнымъ образомъ, чѣмъ мужчину.

„И навелъ Господь Богъ на человѣка крѣпкій сонъ, и когда онъ уснулъ, взялъ одно изъ ребръ его, и создалъ Господь Богъ изъ ребра, взятаго у человѣка, жену и привелъ ее къ человѣку" (Быт. 2, 21—22).

Какъ величественно и мудро все, что дѣлаетъ Господь! Сначала Онъ сотворилъ человѣка, пред-

назначеннаго быть охранителемъ и руководителемъ всего живущаго на землѣ, но чтобы быть способнымъ на это трудное дѣло, человѣкъ долженъ былъ сперва изучить этотъ міръ, въ которомъ, кстати, впослѣдствіи должна была жить и его жена. Другое предположеніе, почему жена была сотворена послѣ мужа, я уже высказалъ раньше. Адамъ, чтобы умѣть больше цѣнить этотъ даръ отъ Бога, долженъ былъ нѣкоторое время ожидать. Іаковъ любилъ свою жену Рахиль еще потому такъ крѣпко, что вынужденъ былъ долго ждать ее. И Адама Богъ сперва заставилъ сильно почувствовать свое одиночество, дабы впослѣдствіи онъ могъ больше цѣнить общеніе съ нею, больше уважать ее и быть за нее благодарнымъ Богу.

Чтобы сотворить Адаму жену, Господь наводитъ на него сонъ и во время этаго крѣпкаго, смерти подобнаго сна, Онъ открываетъ у Адама бокъ, вынимаетъ одно изъ ребръ и изъ него творитъ ему жену. Затѣмъ будитъ его отъ сна и даетъ ему подругу жизни.

Замѣтимъ здѣсь, что это былъ день шестой, была первая пятница на землѣ, когда Богъ сотворилъ женщину во время глубочайшаго сна человѣка, взявъ ее отъ плоти его.

И была еще одна пятница на землѣ, и нашелъ великій сонъ на „второго Адама“, какъ ап. Павелъ называетъ Іисуса Христа, и изъ его прободеннаго бока, во время Его смертнаго сна сотворилъ Богъ Отецъ другую невѣсту, это—Церковь Христову.

Подобно какъ Ева являетъ собою плодъ страданій Адама, такъ и Церковь Христова есть плодъ смертельныхъ страданій нашего Господа Іисуса Христа.

Можемъ ли мы назвать это аллегоріей (иносказаніемъ)? Конечно, нѣтъ, потому что Господь Іисусъ Христосъ уже самъ сказалъ: „Изслѣдуйте Писанія, ибо... они свидѣтельствуютъ о Мнѣ“(Іоан. 5, 39). Какъ у Самаго Господа, такъ и у Его учениковъ было обыкновеніемъ многимъ мѣстамъ Ветхаго Завѣта придавать особенное значеніе и признавать въ нихъ прообразы Христа. Такъ, напримѣръ: описаніе Пасхальнаго Агнца въ Египтѣ, мѣднаго змѣя въ пустынѣ, жертвоприношенія Исаака и т. п.

Вообще, изслѣдуя Ветхій Завѣтъ въ свѣтѣ Святаго Духа, мы вездѣ встрѣчаемъ Господа, что особенно цѣнно, для насъ, когда мы находимъ Его слѣды тамъ, гдѣ они при поверхностномъ разсматриваніи почти незамѣтны.

2. БРАКЪ.

Богъ сотворилъ женщину не такъ, какъ Адама изъ земли, и не-такъ, какъ прочія творенія, сотворенныя по одному слову. Богъ взялъ ее отъ мужа, а именно: кость отъ костей и плоть отъ плоти его. Она представляетъ собой другое „я“, или—дополняющую его половину.

Нѣкто сказалъ, что Ева не была сотворена изъ головы Адама, какъ признакъ того, чтобы не господствовать надъ мужемъ, но она не была также сотворена и изъ его ногъ, чтобы и мужъ не властвовалъ надъ нею. Господь сотворилъ ее изъ той части Адама, которая была ближе къ сердцу его и этимъ, какъ бы, намекнулъ ему на то, что онъ долженъ любить ее весьма и весьма крѣпко.

И на самомъ дѣлѣ, воля Божія есть та, чтобы между мужемъ и женою были самыя сердечныя и искреннія отношенія, и чтобы они оба изъ себя представляли одного человѣка во всей его полнотѣ.

Эта, Богомъ предназначенная, тѣсная, совмѣстная принадлежность другъ другу, высказанна Господомъ также въ словахъ: „Потому оставитъ человѣкъ отца своего и мать свою, и прилѣпится къ женѣ своей; и будутъ одна плоть“ (Быт. 2, 24).

Уже многими было замѣчено, что у тѣхъ супруговъ, которые долго живутъ совмѣстно, въ концѣ концовъ, даже черты лица становятся похожими другъ на друга, а это вытекаетъ изъ того, что они въ теченіе всей своей жизни все больше и больше согласовались другъ съ другомъ и эта согласованность мыслей, взглядовъ и мнѣній впослѣдствіи проявилась и въ наружномъ обликѣ ихъ. Словомъ, одно сердце и одна душа, или какъ выразился одинъ поэтъ: „Двѣ души и одна мысль, два сердца и одно біеніе“.

О, что сдѣлалъ грѣхъ людской изъ этого древняго священнаго порядка Божія? Какъ торжественно прославляется и поощряется въ романахъ и театрахъ супружеская невѣрность. Какъ быстро растетъ число тѣхъ, которые нагло кричатъ, что бракъ, это—древній, отжившій предразсудокъ, и требуютъ свободной любви. Но пренебреженіе Божіими порядками никогда не остается безнаказаннымъ. Это мы видимъ въ древнемъ Римскомъ государствѣ, видимъ во Франціи нашихъ дней и у себя дома, именно, какія ужасныя послѣдствія влечетъ за собою посмѣяніе надъ Божественнымъ порядкомъ брачной жизни.

Но мы вернемся снова къ Евѣ. Сколько любви она должна была оказать своему мужу. Какъ благодарна должна быть ему. Насколько тѣсно должно было быть ихъ совмѣстное общеніе. Она вѣдь полностію участвовала въ его мысляхъ, его достоинствѣ, его славѣ, такъ что, смотря на нихъ, можно было сказать: онъ не господствовалъ надъ нею, но вмѣстѣ съ нею.

Здѣсь мы видимъ прообразъ славнаго сочитанія Христа съ Его Церковью. Также и нашъ Господь не хочетъ Одинъ пользоваться Своей славой и Своими радостями, но Онъ хочетъ, чтобы съ Нимъ во всемъ принимали участіе и Его избранные. „Отче! которыхъ Ты далъ Мнѣ, хочу, чтобы тамъ, гдѣ Я, и они были со Мною“ (Іоан. 17, 24).

Невѣста уже здѣсь должна пребывать съ Нимъ въ тѣсномъ общеніи. Она должна Имъ жить, Его ожидать. Она должна приготовиться, украсить себя ко дню Его пришествія, когда Онъ придетъ, чтобы взять ее и ввести въ Свой брачный чертогъ.

Какъ прекрасно принадлежать къ этой церкви! Какъ прекрасно слышать отъ Него слова: „Я хочу соединиться съ тобою на—вѣки!“

Принадлежишь ли ты Ему? О, если Духъ Святой спрашиваетъ тебя, какъ нѣкогда Еліазеръ спрашивалъ Ревекку: хочетъ ли она быть женою Исаака, то пусть и твой отвѣтъ будетъ утвердительнымъ, но притомъ не забудь и того, что, если ты хочешь быть невѣстою Христа, то нужно:

„Чтобъ всю радость познать,
Нужно все намъ отдать,
И себя на алтарь принести;
Богъ блаженство даритъ
Только тѣмъ, кто спѣшитъ
Вѣрнымъ быть и послушно идти“.

3. ГРѢХЪ.

Кому не приходилось наблюдать, какъ весною иногда, когда все такъ красиво и мило, когда деревья расцвѣтаютъ почками, травы начинаютъ зеленѣть и вдругъ ночью выпадетъ морозъ и все это уничтожаетъ и умерщвляетъ.

Точно такъ случилось и въ раю. Прекрасное весеннее состояніе первыхъ людей въ раю настигло дыханіе холодной и морозной ночи и однимъ взмахомъ все было уничтожено. Холодная ночь, это—грѣхъ. Грѣхъ не былъ въ человѣкѣ, потому что Богъ сотворилъ его добрымъ и чистымъ по образу Своему, но грѣхъ вошелъ въ человѣка со внѣ и къ величайшему несчастію его—во внутрь его.

Богъ далъ человѣку единственную заповѣдь, чтобы испытать его послушаніе и любовь къ нему. Исполнивъ эту заповѣдь, онъ этимъ доказалъ бы свою принадлежность Богу и какъ таковой, былъ бы соучастникомъ жизни вѣчной, потому что у Бога не было еще помину о смерти, а все, что Богъ дѣлалъ, было „хорошо“.

Смерть нельзя назвать хорошимъ, а наоборотъ—худымъдѣломъ. Только послѣ грѣхопаденія было положено человѣку однажды умереть. Слѣдовательно, смерть стала послѣдствіемъ и расплатою за грѣхъ. Сдѣлавшись преступниками, люди отвернулись отъ Бога и съ той минуты удѣломъ ихъ стали: трудъ и заботы, терны и волцы, страданія и смерть.

Но какъ же они пошли противъ Бога? Что случилось съ ними? Неужели добровольно и охотно? Происшедшее событіе очень грустно и оно повторяется часто и теперь со многими людьми.

Тутъ на сцену выступаетъ діаволъ или падшій ангелъ, и выступаетъ онъ не въ своемъ настоящемъ образѣ, а всегда переодѣтымъ. Онъ прекрасно знаетъ, что если онъ появиться въ своемъ настоящемъ видѣ, онъ немного успѣетъ, поэтому лучшимъ прикрытіемъ для него служитъ его изысканная хитрость. Онъ еще никогда не сказалъ кому-либо: „Я діаволъ, врагъ Божій, я пришелъ оклеветать передъ вами Бога, а васъ погубить“, но онъ старается скрыться подъ самой невинной маской лучшаго друга и умнаго совѣтника человѣка.

То иногда хорошій товарищъ является орудіемъ его, а то милая пріятельница, почему и важно быть всегда на стражѣ, чтобы не попасть въ сѣти лукаваго.

И вотъ этотъ древній врагъ рода человѣческаго подошелъ къ Евѣ въ образѣ змѣя, чешуя котораго на солнечномъ свѣтѣ такъ и искрилась и переливалась богатствомъ разноцвѣтныхъ красокъ для того, чтобы Ева, тогда еще чистая, невинная, загорѣлась дѣтскимъ любопытствомъ и желаніемъ разсмотрѣть его, а потомъ и поговорить съ нимъ. И когда это ему удалось, то первымъ его стремленіемъ было: посѣять въ сердцѣ Евы сомнѣніе и недовѣріе къ слову Божію. „Подлинно ли сказалъ Богъ?“ Другими словами: „Вы, должно быть, не дослышали. Не можетъ быть, чтобы Богъ запретилъ вамъ это?“ Не иначе онъ поступаетъ и съ нами. Что это, развѣ грѣхъ пойти съ подругой на вечеринку и тамъ немного потанцовать? Или, развѣ Богъ запрещаетъ красиво одѣваться? Да, развѣ знакомство съ этимъ молодымъ человѣкомъ, хотя бы и безъ вѣдома родителей, также грѣхъ? Словомъ, вопросовъ подобныхъ на тему: „подлинно ли сказалъ Господь?“—тысячи.

Поэтому полезно и хорошо каждому знать, что именно сказалъ Господь, а это возможно при условіи прилежнаго чтенія Слова Божія. Только, опираясь на слово Божіе, возможно успѣшное отраженіе хитрыхъ набѣговъ діавола. Ева этого не сдѣлала. Хотя на первый взглядъ кажется, что да, но стоитъ только сравнить главу 3, стихи 2 и 3-й съ главою 2, стихами 16 и 17 кн. Бытія и мы увидимъ, что Ева къ словамъ Божіимъ прибавила немного и своего. Богъ запретилъ имъ только ѣсть отъ дерева, а Ева сказала: „Ѣсть и прикасаться запретилъ намъ Богъ“. Ева не въ точности повторила слова Божіи, хотя быть можетъ, и по незнанію своему, а, можетъ быть и желая представить Бога въ видѣ жестокаго тирана, запрещающаго такія маловажныя дѣла. Но какъ бы то ни было, изъ Слова Божія мы знаемъ, что Богъ строго запрещаетъ что-нибудь отнимать отъ Слова Его, равно какъ и прибавлять къ Нему (Откр. 22, 18-19) Не должно сему быть.

(Окончаніе главы слѣдуетъ).

Р. Д. Хомякъ.

Въ Карымскій край.

VI.

Путь все занятъ!

Съ какимъ восторгомъ малыши вздуваютъ чрезъ соломенку мыльные пузыри и во всѣ легкія стараются одинъ передъ другимъ. „Мой лучше“!—кричитъ одинъ изъ творцовъ пузырей. „Нѣтъ, мой больше“!—возражаетъ другой и оба довольны, оба веселы. А рожденные изъ капли воды мыльные шары медленно подымаются вверхъ, красиво отражая тонкій узоръ цвѣтовъ радуги, плывутъ по воздуху и лопаются; рождаются и умираютъ, и на ихъ мѣсто появляются новые...

Такимъ мыльнымъ пузыремъ лопнула подъ тюремной крышей и наша мечта о грядущемъ освобожденіи. Мечты и ожиданія—часто тѣ-же мыльные пузыри, красивы видомъ и увлекательны весьма, но содержимое—пустота, лопнулъ и нѣтъ ничего...

Неизвѣстность и неопредѣленность положенія погребла насъ заживо, засыпала мракомъ волнующимъ. И сразу дали себя почувствовать таившіяся недуги и болѣзни.

— Грудь болитъ!—стоналъ одинъ.

— Голова болитъ!—охалъ другой.

— Шеи не могу повернуть!—жаловался третій.

— Ой, горюшко мое!—мучительно и долго кашлялъ четвертый, вытирая слезы на глазахъ.

Всѣхъ хоть сейчасъ въ больницу отправляй, да и было надъ чѣмъ задуматься. Зеленоватый нездоровый цвѣтъ покрылъ лица нѣкоторыхъ, глаза потускнѣли, пропалъ аппетитъ, все—дурные признаки. Тревожилъ вопросъ:

— Выдержимъ ли?

Дѣти-добровольцы, милые мальчики, скоро успокоились и, обласканные нами, разсказали о своихъ мытарствахъ. Изъ Сызрани они въ солдатскомъ поѣздѣ отправились „воевать съ нѣмцемъ“, но на полдорогѣ ихъ изловилъ жандармъ. Съ этой минуты начались для дѣтей не дѣтскія страданія. Горя и нужды хватили довольно и слезъ пролили много. Отощали, исхудали и жаловались на боль въ горлѣ. Въ тюрьмѣ эти воины исполняли самыя грязныя работы: выносили нечистоты, чистили уборную, мели, мыли и натирали суконкой полъ въ коридорѣ и т. д. Къ намъ они привязались и все время старались быть вблизи...

Въ большой сосѣдней камерѣ нѣкоторые заболѣли тифомъ, инфлуэнціей, воспаленіемъ легкихъ. Наконецъ, на это обратило вниманіе и начальство и рѣшило жаровнями осушить мокрыя стѣны. Всѣхъ насъ перевели въ старый корпусъ тюрьмы.

Небольшія „горницы“ со сводами оказались сухими и теплыми. Мы обрадовались такому „счастью“ и переселялись, навѣрно, быстрѣе, чѣмъ состоялся выходъ евреевъ изъ Египта. Послѣднія сутки въ холодильникѣ было какъ то особенно тяжело. И вдругъ—о, чудо!—можно было снять теплыя одежды, можно было сѣсть на скамью, можно было положить хлѣбъ на столъ. Все это мелочи; но изъ мелочей состоитъ земная жизнь—это во-первыхъ, а во-вторыхъ, мелочи становятся особенно желанными, когда ихъ не даютъ, умышленно лишаютъ васъ. Всѣ эти рѣзкія лишенія, конечно, непоколебали нашего убѣжденія, но, когда бьютъ—больно и хочется кричать! Современный же тюремный режимъ, это—тонкое, продуманное, жестокое издѣвательство надъ личностью, гдѣ на каждомъ шагу вамъ даютъ почувствовать, что вы не Михаилъ Даниловичъ Тимошенко, а пересылаемый, подслѣдственный, уголовный, административный, политическій, крѣпостникъ, лишенецъ правъ—ротникъ, каторжанинъ разнаго ранга, а всѣ въ общемъ—собственность государства за нумеромъ такимъ-то.

Съ переходомъ въ новое жилищѣ, мы избавились отъ холода и вообще въ отношеніи къ намъ произошелъ рѣзкій переломъ къ благорасположенію и постепенному ослабленію изъ неволи. Первые дни въ одной камерѣ насъ помѣщалось душъ двадцать. Завязалось новое знакомство, появились новыя впечатлѣнія и возникали новыя бесѣды. Выдѣлялся своей разнузданностію и пошлой болтовней одинъ еврей-солдатъ, возвращаемый на фронтъ. Его разсказамъ объ удалыхъ и порочныхъ похожденіяхъ не предвидѣлось конца. Везъ съ собой онъ ножъ—бритву и постоянно чистилъ подбородки заключеннымъ.

— Отъ Читы везу и не могутъ найти!—хвастался онъ.

Какъ-то вечеромъ мы говорили со всѣми о правдѣ, добрѣ, чистотѣ и потомъ объ Источникѣ всякаго добра—Іисусѣ Христѣ. Солдатъ затихъ и слушалъ внимательно. Затѣмъ въ отдѣльности бесѣдовали съ нѣкоторыми и молились. Было предложено и еврею отдать свое сердце Господу. Онъ согласился, но волновался такъ, что ничего не могъ сказать и только повторялъ слова молитвы брата. Остальное время велъ себя скромно и попросилъ, чтобы ему записать молитву на бумагу.

— Когда уѣду, буду молиться по запискѣ, а то самъ я вѣдь ничего не умѣю,—объяснилъ онъ свою просьбу.

Прошла еще недѣля и насъ на этапъ не вызвали.

— Путь все занятъ!—объяснили намъ.

Но волненія и недовольства уже не было, мы облеклись въ броню терпѣнія на новые дни прозябанія въ гостепріимномъ домѣ. Впрочемъ время не проходило безъ пользы. Изъ нашей камеры были удалены всѣ „посторонніе“, стало свободно и удобно заняться тщательнымъ изслѣдованіемъ Слова Божія. Въ опредѣленные часы принялись за разборъ ев. отъ Іоанна. Матеріалъ былъ богатый, каждый изъ участниковъ могъ говорить много и долго и поэтому за вечеръ едва управлялись съ однимъ стихомъ.

Воплощенное Слово было близко и дорого возрожденному сердцу. Слово—Логосъ, непонятное для міра, ясно выражало сущность единаго Посланника, Посредника, Вѣстника, Голоса, Сына Божія, „Свѣта отъ Свѣта“, Рожденнаго безъ зарожденія, Души и Разума вселенной, Истины, Пути и Жизни. Единый Богъ-Логосъ существовалъ, существуетъ и будетъ существовать и разсѣивалъ, или изливалъ и будетъ разсѣивать Свою божественную сущность, божественную мудрость, свой Логосъ, Свой Голосъ, Свое Слово, Свою лучистую энергію, Свое призваніе сыновъ человѣческихъ и усыновленіе ихъ Собою Отцу... И душа наша была станціей безпроволочнаго телеграфа, пріемникомъ лучей утѣшенія, подкрѣпленія, согрѣванія и направленія духа, души и тѣла отъ Престола Благодати вѣчнаго Отца. Молитвою и пѣснію хвалы Богу нашему заканчивались эти собранія.

Приближались Рождественскіе праздники. И памятуя древній обычай на Руси,—въ такіе дни облегчать участь узниковъ, мы рѣшили послать телеграмму Одесскому генералъ-губернатору Эбѣлову съ просьбой разрѣшить намъ ѣхать до мѣста назначенія на свой счетъ. Толковали долго, составили нѣсколько черновыхъ и, наконецъ, порѣшили на одной: „Его высокопревосходительству господину Одесскому генералъ-губернатору. Умоляемъ именемъ Господа разрѣшить намъ ѣхать на свой счетъ,—евангельскіе проповѣдники: Кравченко, Бѣлоусовъ, Филиповичъ, Тимошенко, Любекъ, Албуловъ, Назаренко, Горѣликъ, Жакъ“.

Другую телеграмму составили братьямъ, чтобы на случай разрѣшенія, выслали намъ деньги на дорогу.

Казалось простымъ и яснымъ одно: какой смыслъ держать насъ въ тюрмѣ, если мы и сами можемъ доѣхать до мѣста назначенія? Задержка здѣсь можетъ затянуться, притомъ, вѣдь не преслѣдуется же цѣль мстить намъ за что-то, слѣдовательно: должны разрѣшить!

Возникалъ новый вопросъ: какъ послать телеграммы? Избрали депутацію къ начальнику тюрьмы, Кравченко и Албулова. Первый, въ черномъ сюртукѣ, былъ представительнымъ посломъ, второй своимъ изнуреннымъ видомъ старца долженъ былъ смягчить сердце начальника. На повѣркѣ изложили просьбу и на слѣдующій день послы отправились.

Чрезъ трое дверей прошли въ контору, гдѣ занимались два помощника. Въ ожиданіи пріема, делегаты скромно стояли у двери и разсматривали обстановку. На стѣнѣ замѣтили портретъ убитаго Максимовскаго. Кравченко громкимъ шепотомъ замѣтилъ:

— Смотри, Михаилъ Михаиловичъ, вонъ портретъ нашего брата.

— Какого брата?—вмѣшался удивленный помощникъ.

— Да, брата. Это вѣдь покойный Максимовскій?

— Онъ самый.

— Я зналъ его лично. Онъ такъ же вѣрилъ Господу, какъ и мы, и былъ нашимъ братомъ.

Такое сродство съ важной въ тюремномъ мірѣ личностью имѣло значеніе. Просьба получила удовлетвореніе и кромѣ того получили разрѣшеніе пользоваться за деньги больничнымъ обѣдомъ и книгами изъ тюремной библіотеки. Но „обѣды“, по четвертаку каждый, появлялись лишь четыре раза; наши зубы отказались отъ работы надъ „больничнымъ“ мясомъ, отступая передъ подметочной крѣпостью. Тогда попросили новое разрѣшеніе самимъ готовить себѣ обѣдъ и поручили это неизмѣнному „добродѣтелю“ Павлу Тимофеевичу. Вышло хорошо, дешево и сытно. Телеграммы наши, пролежавъ недѣлю у прокурора, наконецъ, помчались по проволокѣ стучать въ сердце генерала.

Еще изъ „ледника“ была послана открытка проживавшему въ Курскѣ Ѳ. Е. Цымбалу. Получилъ онъ ее чрезъ двѣ недѣли и поспѣшилъ къ намъ. На свиданіе вызвали меня одного. За второй рѣшеткой стояли гость и помощникъ. Брата Цым-

бала я узналъ, хотя и видѣлся съ нимъ еще въ дѣтствѣ.

— Здравствуйте, Ѳедоръ Евдокимовичъ!

— Здравствуй, дорогой братъ,—отвѣтилъ онъ.

Вкратцѣ передалъ ему о причинахъ ареста, познакомилъ съ составомъ нашей группы и выяснилъ причину нашей задержки.

— Конечно, начальствомъ мы довольны,—повѣствовалъ я, посматривая на кричавшаго на насъ помощника.—Смотрятъ за нами хорошо, оказываютъ вниманіе. И вообще намъ *теперь* хорошо, хотя было бы лучше, если бы мы могли ѣхать дальше.

Ѳ. Е. посвятилъ меня въ новости своей жизни, замѣтилъ, что добиться свиданія было довольно трудно, помогъ одинъ другъ, сказалъ нѣсколько словъ утѣшенія изъ Слова Божія и освѣдомился о нашихъ нуждахъ.

— Пора уходить,—замѣтилъ помощникъ и мы простились.

Подробный и обстоятельный разсказъ и по-русски и по-нѣмецки пришлось повторить моимъ союзникамъ нѣсколько разъ: что говорилъ Ѳ. Е. и что говорилъ я и т. д. Это посѣщеніе брата очень ободрило всѣхъ, когда же принесли подарокъ: бѣлый хлѣбъ, сало, сельди, чай, сахаръ, полотенца, расческу, густой гребень, мыло, одѣяло, то ликованіе наше разсмѣшило надзирателя. Одѣяло я взялъ себѣ, легъ и сейчасъ же „примѣрялъ“, пришлось великолѣпно. Кстати, нужно замѣтить, что мы уже устроились на удобныхъ койкахъ, прикрѣпленныхъ къ стѣнѣ, съ натянутымъ брезентомъ. Спалось куда лучше, чѣмъ на полу!

Чрезъ день разрѣшалось дышать свѣжимъ воздухомъ. Ходили по большому двору кругомъ, а бдительное око слѣдило у дверей. Видны были окна казармы, гдѣ застывала кровь наша. Въ сторонѣ арестанты пилили дрова. Снѣгъ пріятно скрипѣлъ подъ ногами. Каждый разъ Филиповичъ разбрасывалъ по снѣгу остатки хлѣба и птицы небесныя: грачи, вороны, голуби и воробьи слѣтались стаями на даровой обѣдъ. Смѣшилъ жадный грачъ: онъ не довольствовался однимъ кускомъ, а старался захватить нѣсколько сразу, но это ему не всегда удавалось. Позже, при нашемъ появленіи, птицы слѣтались тучей и ждали угощенія. Слѣдя за ихъ вольнымъ полетомъ черезъ запретную стѣну, невольно думалось:

— Вотъ, если бы мнѣ крылья!..

Какъ то во время прогулки появился помощникъ.

— Смирно! Шапки долой!—провозгласилъ надзиратель.

Арестанты—пильщики сдернули свои безкозырки и стояли, пока онъ не скрылся. Мы дружно махнули ему шапками, но онъ уже кивалъ рукой, чтобы одѣвали свои уборы. Проходя коридоромъ, замѣтили надпись: „Карцеръ“ и знакъ мѣломъ „1“. Кто то тамъ дрожалъ въ этакую стужу!

Тюремный священникъ выдалъ нѣсколько книгъ. И, перечитывая Тургенева, духт мой иногда силою творческаго таланта уносился за тюремную стѣну, къ тѣмъ героямъ, которые и на свободѣ стѣнали подъ гнетомъ нужды и скорбей крѣпостного права.

Наша „позолоченная клѣтка“ давала себя чувствовать; духъ жаждалъ свободы, рвался на волю. Вспоминалась дѣтская пѣсенка:

„Нѣтъ не пустимъ, птичка, нѣтъ,
Оставайся съ нами!
Мы дадимъ тебѣ конфетъ,
Чаю съ сухарями!“

Но птичкѣ дороже всего была свобода:

„Ахъ конфетъ я не клюю,
Не люблю я чаю.
Въ полѣ мошекъ я ловлю,
Зернышки сбираю!...“

Неволя—исчадіе смерти, свобода—дитя жизни. Христосъ тоже, вѣдь, пришелъ отпустить измученныхъ на свободу. Поэтому любовь къ Спасителю соединена съ любовію и къ свободѣ духа и тѣла—храма Его!.. Мы все чаще думали:

— Когда же придетъ отвѣтъ на телеграмму?

Второй помощникъ нѣсколько разъ распрашивалъ насъ объ упованіи и удивлялся отвѣтамъ. Въ его ограниченномъ сознаніи не укладывались богатыя истины Евангелія, но любознательность походила на молодую травку, которая пробивалась чрезъ щели каменныхъ плитъ городского тротуара. „Каменный“ укладъ тюремнаго быта не могъ заглушить въ немъ побѣговъ устремленія къ жизненной правдѣ. И для Слова Божія нигдѣ нѣтъ узъ...

О нашей способности „совращатъ“ по тюрьмѣ ходили преувеличенные слухи. По этой причинѣ. кажется, насъ совершенно изолировали отъ остальныхъ заключенныхъ. Но особенно это бросилось въ глаза при слѣдующемъ случаѣ.

Какъ-то передъ вечеромъ пожаловалъ помощникъ и, добродушно улыбаясь, говорилъ:

— Ничего, ничего, господа, сидите,—хотя мы продолжали стоять.—Вотъ я привелъ къ вамъ мальчишку—сироту, пусть переночуетъ у васъ здѣсь. Вы, конечно, примите?

Появился маленькій оборванецъ, лѣтъ семи, грязный, съ ручейками подъ носомъ. Мать его умерла, отецъ на войнѣ и мальчика теперь по этапу препровождали въ Харьковъ къ родственникамъ.

— Но надѣюсь, господа, что вы того...—загадочно протянулъ помощникъ и остановился.

— Что „того?“

— Ну, понимаете, надѣюсь, что вы не совратите его въ вашу вѣру, въ баптисты?

— Обѣщаемъ, что не совратимъ,—разсмѣялись мы.

— Да, да, я хотѣлъ предупредить васъ и прошу.

Ребенокъ уже оказался развращеннымъ и „совращеннымъ“ тлетворной средой порока, пропитаннымъ ядомъ до мозга костей.

— Хотся покулить,—сплевывалъ онъ чрезъ зубы, какъ большой, разсказывая о себѣ.

— И ты уже куришь?

— Узе давно,—слѣдовалъ гордый отвѣтъ.

Онъ снялъ рубаху и началъ ловко бить безчисленныхъ насѣкомыхъ. Худое тѣльцо было въ прищахъ. Въ это время принесли ему новую рубаху и портки: онъ радостно нарядился въ чистое бѣлье и сожалѣлъ, что недостаетъ еще сапогъ хорошихъ. Послѣ повѣрки мальчикъ взялъ одну изъ нужныхъ намъ скамей, поставилъ у печи и свернулся на ней комочкомъ. Когда потребовалось взять скамью для койки, ему хотѣли поставить другую, но онъ не пожелалъ встать. Всѣ уговоры и увѣщанія разбились о скалу упорства. Пришлось поднять малыша и перемѣнить скамью. Но онъ вдругъ принялся дрыгать ногами и кричать:

— Я помоснику сказу!

Началъ стучать въ двери. Подошелъ надзиратель, выслушалъ его жалобу на всѣхъ и накричалъ на забіяку. Тогда парнишка забился въ уголъ и, злобно поблескивая глазенками, долго хныкалъ и ругался. Издали походилъ на дикаго звѣрька. Становилось тяжело и непріятно при видѣ такой ожесточенности дѣтской души. Всѣ уговоры и подарки не хотѣлъ признавать. Что выйдетъ изъ такого ребенка? Вѣдь это—прямой кандидатъ въ

тюрьму, и смѣшными казались слова помощника: „Смотрите, не совратите!“

На другой день юнецъ такъ и ушелъ „несовращеннымъ“ и непримиреннымъ съ нами, хотя мы уже и заискивали предъ симъ „гражданиномъ“. По всему фронту наше „совращеніе“ потерпѣло пораженіе!..

И еще разъ прошелъ этапъ и снова было объявлено:

— Путь все занятъ!

Но безъ отвѣта отъ генералъ-губернатора мы и сами не хотѣли ѣхать. Огонекъ надежды еще слабо свѣтился въ груди и готовъ былъ погаснуть каждую минуту.

Наступилъ сочельникъ. Всю тюрьму скребли и мыли: полы на коридорахъ натерли воскомъ до блеска отшлифованнаго мрамора. И видъ этой уборки толкалъ мысль къ родному шатру, напоминалъ былые дни предпраздничныхъ приготовленій. Сколько хлопотъ и работы! Дѣтская елка, праздникъ хора, частыя собранія, посѣщенія... Но все это—тамъ, за стѣной, теперь же мой удѣлъ покой и размышленія о противорѣчіяхъ жизни людей съ завѣтами рожденнаго въ міръ Младенца. Гдѣ миръ возвѣщенный хоромъ небожителей? И особенно въ эти дни нашей жизни!..

По коридору неслось пѣніе хора любителей-арестантовъ, готовившихся къ празднику. Обязанности регента исполнялъ промотавшійся банковый кассиръ. И эти звуки гимновъ напоминали о такомъ же стараніи нашего общиннаго хора, который подъ „большимъ секретомъ“ (хотя мнѣ и извѣстномъ) готовился въ первый день праздника нагрянуть рано утромъ ко мнѣ на квартиру съ поздравленіемъ... Вотъ торжественное, красивое пѣніе „Тихая ночь, дивная ночь“ неожиданно вливается въ сонное сознаніе и пріятно нѣжитъ слухъ. Но потомъ сознаніе вдругъ оживаетъ; открываешь глаза, прислушиваешься и, убѣдившись, что это не сонъ, быстро подхватываешься и выходишь ко всѣмъ. Двѣ—три свѣчи слабо выдѣляютъ общую группу пѣвчихъ, улыбающихся, довольныхъ своимъ нашествіемъ, милыхъ братьевъ и сестеръ. Поемъ уже всѣ вмѣстѣ, еще и еще, похожіе на таинственныхъ заговорщиковъ, но въ дѣйствительности близкіе, родные, въ одномъ упованіи слитые работники Предвѣчнаго, „заговорщики“ противъ грѣха... И съ умиленнымъ сердцемъ провожалъ я пѣвчихъ, намѣтившихъ для посѣщенія еще нѣсколькихъ „жертвъ“. Да, это было въ прошломъ году, а теперь?.. Надзиратель принесъ газетку, гдѣ равнодушная телеграмма отмѣчала, что въ Одессѣ всѣ собранія закрыты. Это нужно было ожидать и ясно представлялась печаль и уныніе всѣхъ дѣтей Божіихъ...

Въ ночь подъ Рождество мы тихо собрались вокругъ Слова Божія, прочитали дивную повѣсть о рожденіи Младенца Іисуса и въ необычной обстановкѣ со знакомыхъ страницъ повѣяло новой силой, духъ нашъ унесся въ Виѳлеемскую пещеру, вмѣстѣ съ пастухами склонился предъ яслями, побывалъ на полѣ у костра, внимая пѣнію Ангеловъ и грудь преисполнилась благодарностію Спасителю. Никто не хотѣлъ что-либо добавлять отъ себя, но всѣ мы стали на колѣни и молились. Непослушныя слезинки скатывались по лицу, соединивъ въ себѣ радость возрожденнаго свыше духа и печаль по плоти въ разлукѣ съ близкими... Полнымъ покоемъ заполнилась наша душа, ибо—Онъ былъ здѣсь!

Ночь прошла въ мирныхъ сновидѣніяхъ.

На утренней повѣркѣ тюремная администрація сіяла въ полной парадной формѣ. Румяный помощникъ въ новомъ мундирѣ былъ великолѣпенъ. На коридорѣ праздничность выдѣлялась тремя признаками: замѣчалось большое движеніе надзирателей при медаляхъ, носы нашихъ сторожей покраснѣли болѣе обыкновеннаго и вдоль всего коридора тянулась бѣлоснѣжная дорожка, по которой арестантамъ не разрѣшалось ходить, чтобы не испачкать.

Въ полдень братъ Ѳ. Е. Цымбалъ вызвалъ на свиданіе троихъ: Бѣлоусова, Назаренко и Кравченко, которые затѣмъ торжественно внесли въ горницу рождественскій гостинецъ. И еще въ этотъ день мы много пѣли сверхъ положеннаго, пока не наступили сумерки.

На слѣдующій день получили предложеніе посѣтить тюремную церковь. Стройными рядами стояли молящіеся подъ наблюденіемъ начальства. Намъ нашлось мѣстечко позади всѣхъ. Среди пѣвчихъ выдѣлялся могучій басъ, покрывавшій собою весь хоръ. Красивые звуки молитвы неслись надъ головами, ударялись въ стѣну и разбивались объ оконныя рѣшетки. Довольный своимъ успѣхомъ, обладатель сильнаго баса, украдкой поглядывалъ на своихъ товарищей и подмигивалъ имъ. Нѣсколько женщинъ въ арестантскихъ халатахъ стояли особо. Всѣ какъ по командѣ, разомъ кланялись, опускались на колѣни, вставали и крестились. И только лязгъ кандаловъ нарушалъ обычный порядокъ установленнаго богослуженія, звукъ которыхъ не вязался съ пѣніемъ „Іисусу Сладчайшему“. Мелькавшая бѣлая, блестящая риза священника тоже не сливалась съ сѣрымъ фономъ арестантскихъ куртокъ. Смотрѣлъ я на широкія и узкія, согбенныя и стройныя спины заключенныхъ, на ихъ стриженные затылки, и думалъ: что этихъ блудныхъ сыновъ привело сюда? Какія глыбы давятъ ихъ духъ? И гдѣ витаютъ ихъ мысли?.. Но спокойныя блѣдныя лица ничего не выражали, замкнутыя въ себѣ.

Нами тоже всѣ интересовались и надзиратели шептались сбоку:

— Вонъ бахтистскіе попы пришли!

При выходѣ помощникъ спросилъ меня:

— Почему вы не креститесь рукою?

— Въ Словѣ Божіемъ нѣтъ на это указаній.

— Но какъ же вы молитесь?—допрашивалъ онъ.

— Обыкновенно мы складываемъ руки,—показалъ я,—причемъ—установленной формы нѣтъ. Господь молился стоя, на колѣняхъ, падая ницъ. Но главное ни въ этомъ, какъ мы исполняемъ обрядъ молитвы, а въ томъ, какъ мы молимся въ сердцѣ и служимъ Богу жизнію. Поклоняться Богу нужно въ духѣ и истинѣ...

—Да, да, понимаю, понимаю,—замѣтилъ онъ, направляясь къ выходу.

— Скоро придетъ батюшка съ молитвою,—объявилъ дежурный,—вы приготовьтесь.

Албулова вдругъ затрясло въ жестокой лихорадкѣ. Уложили его на койку и укрыли потеплѣе. И въ это время въ дверяхъ появился священникъ въ облаченіи въ сопровожденіи помощника и стражи.

— Здравствуйте, господа,— произнесъ онъ съ симпатичной улыбкой.

И на нашъ поклонъ спросилъ:

— Позволите прославить Христа?

— Пожалуйста, пожалуйста!—дружно грянули мы.

Священникъ прошелъ впередъ къ иконѣ и запѣлъ „Рождество Твое, Христе, Боже нашъ“. Ему вторилъ кассиръ—регентъ.

— Куда васъ отправляютъ?—спросилъ онъ, кончивъ молитву.

— Въ Томскую губернію. Мы наставника инославнаго...

— Знаю, знаю и объ этомъ не спрашиваю. До свиданія.

— А этотъ чего лежитъ?—указалъ помощникъ грознымъ перстомъ не занемогшаго.

— Сильно боленъ,—отвѣтилъ я.

— Но когда пришелъ священникъ, онъ долженъ встать! Почему онъ лежитъ?

— Конечно, долженъ, но не можетъ, заболѣлъ вдругъ.

— Я вотъ ему покажу „боленъ“! Вотъ отправлю въ карцеръ на семь сутокъ на хлѣбъ и воду... Вы не смотрите, что-я хорошо обращаюсь съ вами, я вѣдь могу и перемѣниться... Оселъ этакій!—бросилъ онъ въ сторону Албулова и вышелъ.

Да, перемѣна всегда возможна—это мы знали хорошо и насторожились. Бѣдный больной совсѣмъ расхворался отъ такой грозы. Вотъ тебѣ и „возсіяло Солнце правды“, какъ только-что пѣлъ батюшка!.. Обѣдъ прошелъ въ грустномъ молчаніи; разныя думы бороздили голову. Все ждали, когда придутъ брать въ карцеръ острожника безвольнаго? Совѣтовали ему одѣваться потеплѣй.

Подъ вечеръ пришелъ парень изъ тюремной больнички и, подавая термометръ, заявилъ:

— Кто у васъ тутъ больной, на вотъ, помѣряй жару.

Температура оказалось повышенной и на слѣдующее утро тотъ же арестантъ принесъ франзоль и бутылку молока.

— Это больному вашему назначено для поправки.

— Видно, молокомъ хотятъ залить „осла“,—повеселѣли всѣ, довольные такимъ неожиданнымъ концомъ бѣды.

Больной же совсѣмъ оправился и сіялъ лучами солнышка, похлебывая молоко, которое получалъ до самаго отъѣзда. Горькое обрѣло сладость!.

— Получайте новаго гостя,—произнесъ надзиратель, открывая дверь.

Въ камеру вошелъ элегантно одѣтый молодой еврей и возбужденно разсказалъ о своемъ злосчастьѣ. Живетъ въ Кіевѣ, гостилъ въ Воронежѣ у дяди, уѣзжая домой, на время взялъ у кузины брилліанты. Теперь по телеграфному сообщенію изъ Воронежа, его арестовали въ поѣздѣ и возвращали обратно на дознаніе по жалобѣ дяди въ сыскное отдѣленіе. Скоро пустая жизнь свободнаго художника во всѣхъ подробностяхъ стала общимъ достояніемъ. Заговорили съ нимъ и о Христѣ.

— Знаете, господа,—говорилъ онъ позже,—первою мыслію при арестѣ у меня было—повѣситься. Это вѣдь такой позоръ! Но теперь я благодарю судьбу, что попалъ сюда къ вамъ. Никогда и не думалъ, чтобы въ этихъ стѣнахъ было такое богатство мысли и духовныхъ запросовъ.

Черезъ три дня онъ уѣхалъ спокойнымъ, обѣщая служить Господу. Изъ Воронежа написалъ, что недоразумѣніе выяснилось и все кончилось хорошо.

Былъ и еще одинъ юноша изъ Москвы. Просидѣлъ подъ слѣдствіемъ годъ, считалъ себя невиновнымъ и ожесточился на людей.

— Я ободрился и ѣду спокойно на судъ. Вы благотворно повліяли на меня. Счастливые—вѣрующіе!—говорилъ онъ на прощаніе.

Тюремный отдыхъ кончился, праздники миновали и снова будни на все наложили свою печать. Насъ перевели въ другую такую же чистую и теплую камеру на коридоръ подслѣдственныхъ, гдѣ царила особая строгость и таинственность. Общенія между камерами содержимыхъ не допускалось. Выходить можно было только два раза въ день. Но наша популярность и средства открывали доступъ всякаго рода попущеніямъ. Подымаясь во второй этажъ, черезъ ограду можно было наблюдать рѣдкихъ прохожихъ на окраинѣ города. И какой-нибудь мужичекъ въ лаптяхъ и дырявомъ зипунѣ, подпрыгивая на холодѣ, и не подозрѣвалъ, что своей захудалой персоной вызываетъ чувство зависти въ „гражданахъ“ за рѣшеткой! Иногда солнце скрывалось за лѣсомъ—красное-красное.

— Солнце краснѣетъ, вспоминая о томъ, что оно видѣло за день на землѣ!—философствовали мы.

— Нѣтъ, это его обрызгало кровью воюющихъ!..

Передъ Крещеніемъ еще разъ заходилъ священникъ, прочиталъ молитву, окропилъ камеру водою и молча вышелъ. Вслѣдъ за нимъ вскорѣ пожаловалъ тюремный инспекторъ. Вошелъ онъ въ вицмундирѣ, съ аккуратно выбритыми щеками и подбородкомъ. „Одно изъ славныхъ русскихъ лицъ, со взоромъ кроткимъ безъ границъ, полуопущеннымъ къ землѣ, съ печатью тайны на челѣ“. Сопровождаемый тюремной свитой, онъ покровительственно оглянулъ всѣхъ и бросилъ равнодушно и небрежно:

— Здорово!

— Здравствуйте!—раскланялись всѣ мы.

— Кто такіе?—вскинулъ онъ очами на начальника тюрьмы и снова оглядѣлъ наши черные парадные сюртуки.

— Сектантскіе наставники, высылаются въ Сибирь, но этапъ пріостановленъ. Въ пересыльной начались заболѣванія и я помѣстилъ ихъ здѣсь,—докладывалъ начальникъ.

Инспекторъ прошелъ по чисто-выметенному полу, оглядѣлъ койки и подошелъ къ полкѣ съ провизіей.

— Это что такое?

— Сельди,—скромно заявили мы.

У дверей онъ взглянулъ на градусникъ и молвилъ:

— Однако, здѣсь тепло,—и, направляясь къ печи, осторожно приложилъ руку и быстро отдернулъ, хотя на этотъ разъ печь была и холодная.

Нѣкоторое смущеніе проявилось на начальствующемъ лицѣ, но подчиненные ничего „не замѣчали“ и стояли смирно. Выходя послѣднимъ, помощникъ обернулся и весело подмигнулъ намъ. Дверь захлопнулась и кто то изъ насъ важно прошествовалъ отъ градусника къ печи и поинспекторски приложилъ и отдернулъ руку. Напыщенность, преисполнившая сего начальника, достойна была смѣха...

Но всѣ эти „мелочи“ подневольнаго быта не могли заглушить большого вопроса объ отвѣтѣ на нашу телеграмму. Что то долго нѣтъ отвѣта? Да и общій кассиръ заявилъ, что деньги на исходѣ, еще на одинъ день хватитъ на обѣдъ, а тамъ придется перейти на казенный паекъ; чай, сахаръ и пр. тоже на донышкѣ. Нашъ „хлѣбодаръ“, Павелъ Тимофеевичъ, тоже поостылъ въ рвеніи, видя грядущее банкротство своихъ питомцевъ. Вообще, всѣ обстоятельства наводили на различныя размышленія, которыя и слагались у ногъ Господа.

И какъ то въ полдень Албулова потребовали въ контору. Зачѣмъ, почему? Догадкамъ и предположеніямъ не было конца; наше любопытство превышало возбужденность дѣтишекъ, ожидающихъ, когда ихъ позовутъ „на елку“. Но вотъ появился сіяющій, торжествующій М. М. и объявилъ радостно:

— Лидочка пріѣхала, а къ брату Любеку-зять. Передала всѣмъ и отъ всѣхъ привѣтъ, привезла письма, деньги, провизію, вещи...

И въ подтвержденіе сихъ утѣшительныхъ словъ надзиратель уже тащилъ обильную дань любви; все оказалось вкусно и благопотребно. Неожиданное свиданіе съ дочерью черезъ двѣ рѣшетки было такъ кратко и отрывисто, что Албуловъ и не могъ узнать всѣхъ новостей, кому и какія привезены вещи. Дѣло въ томъ, что поспѣшное бѣгство изъ Одессы лишило многихъ изъ насъ возможности запастись теплыми вещами для суровой Сибири и объ этомъ думалось не разъ. Теперь же М. М. зналъ, что вещи имѣются для двоихъ, Любека и Горѣлика, а за остальныхъ ничего не могъ сказать. Да еще узнали мы, что просьба наша генералъ-губернаторомъ отклонена. Отвѣта же не послѣдовало по той причинѣ, что нами было уплачено только за десять словъ.

— Жаль, что генерала и именемъ Господа не проймешь! Да будетъ воля Божія!—замѣтили мы, уже освоившись съ создавшимся положеніемъ.

На слѣдующій день Любекъ и Албуловъ увидѣлись съ своими близкими, намъ же въ вознагражденіе за отсутствіе нашихъ родныхъ, принесли теплыя вещи, бѣлье, подушки, одѣяла и т. д. Всѣ вдругъ оказались богатыми, ликовали и при появленіи новаго узла кричали „Ура!“ Что о насъ помнили—свидѣтельствовали вещественныя доказательства.

— Барышня спрашиваетъ, не нужно ли еще что купить?—спросилъ надзиратель.

Написали на записку кое-что, я себѣ-валенки. И вечеромъ мы умиленно и долго вспоминали наши семьи и друзей. За окномъ же завывалъ морозный вѣтеръ и зябла отъ стужи стража...

И еще разъ гости прибыли въ темницу съ нотаріусомъ для выдачи нужныхъ довѣренностей. Албуловъ передалъ дочери прошеніе въ Петроградъ сестрѣ Ч. и, сидя рядомъ, долго бесѣдовалъ съ нею по душамъ. Любекъ же отъ зятя получилъ въ рукавъ пятьдесятъ рублей, кромѣ тѣхъ, которые были сданы на наше имя въ контору и которые попали въ руки только черезъ полгода.

Наконецъ, милые гости уѣхали и мы принялись за дѣятельную подготовку въ путь. На этотъ разъ дорога уже освободилась. И на радостяхъ хотѣлось подѣлиться „избыткомъ“ богатства съ подъяремными спутниками въ пересыльной, которые снова находились въ „ледникѣ“ и къ которымъ никто не пріѣзжалъ. Среди нихъ были симпатичныя лица, особенно между каторжанами. Исходатойствовали разрѣшеніе и заказали сто булокъ и десять фунтовъ сахару.

Въ день отъѣзда надзиратель принесъ намъ ножницы, машинку и бритву. Камера превратилась въ образцовую парикмахерскую. Еще до этого была попытка ножомъ содрать отросшія бороды. Но рискнувшій смѣльчакъ, Адельсбергеръ, искровянилъ себѣ лицо и потомъ долго мазался цинковой мазью,—единственнымъ лѣкарствомъ въ камерѣ. Теперь же всѣ подмолодились на славу и даже переусердствовали на затылкахъ.

— Ничего, отрастетъ, пока доѣдемъ,—утѣшали себя.

Расплатились, гдѣ было нужно, простились съ пріютившей насъ хижиной и въ два часа ночи гуськомъ побрели на тотъ же коридоръ, гдѣ страдали три недѣли тому назадъ. Пройдя чистилище, стали въ ряды и приготовились къ шествію.

— Получили булки?—поинтересовались узнать.

— Какія булки? Нѣтъ.

Пошли разслѣдовать и корзину съ хлѣбомъ извлекли изъ какихъ то тайниковъ. Роздали на дворѣ при свѣтѣ факела. Булокъ оказалось меньше, чѣмъ этапниковъ, сіе удивило, но разбираться было некогда, старшій покрикивалъ:

— Баптисты, скорѣй, а то опоздаемъ!

Тутъ же отъ помощника получили принесенныя бр. Цымбаломъ евангеліи, которыя все время пролежали въ конторѣ.

По глубокому снѣгу пришлось буквально бѣжать безъ отдыха, чтобы не опоздать на поѣздъ. Сверху падали спокойныя снѣжинки, ночная тишина заполняла спящій городъ. Взмокшіе, запыхавшіеся, мы вытирали разогрѣвшіяся лица, весело отдувались и радостно бѣжали къ невидимой и невѣдомой цѣли, на воротахъ которой стояло: „Освобожденіе!“

— Уфъ! Это будетъ получше гимнастики!

— Не отставай, ребята, не отставай!

— Труси сало мѣсячное, чтобъ ему пусто было!

— Ой, не могу, задыхаюсь!—стоналъ женскій голосъ.

— Ничего, моложе будешь!

Сѣли въ вагонъ передаточнаго поѣзда. Смотрѣлъ я на станціонные огни и думалъ:

— Прощай, Курская тюрьма! Подарили мы твоимъ стѣнамъ четыре недѣли драгоцѣнной жизни и будемъ помнить о тебѣ всегда!.. Когда же ты, въ числѣ другихъ, превратишься въ памятникъ древности, въ музей былыхъ страданій, мы покажемъ твои стѣны нашимъ дѣтямъ, гдѣ плоть подвергалась испытанію и мерзла, гдѣ духъ затѣмъ томился въ „позолотѣ“ клѣтки и проходилъ чрезъ огненное горнило къ совершенству и славѣ! Въ стѣнахъ твоихъ еще разъ подтвердилась вѣрность словъ: „Богъ намъ прибѣжище и сила, скорый помощникъ въ бѣдахъ“!.. Да, были слезы, было и ликованіе, было уныніе, была и радость!.. Прощай, гнойникъ человѣческаго естества, дѣтище падшаго, порабощеннаго духа!..

Нашъ поѣздъ быстро прорѣзалъ ночной мракъ, стремясь на встрѣчу нарождающемуся утру...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Михаилъ Тимошенко.

Обзоръ печати.

Митрополиты Макарій и Питиримъ, архіепископы Василій черниговскій, Іоакимъ нижегородскій, Варнава тобольскій, епископы Макарій орловскій, Димитрій рязанскій, Исидоръ тюменьскій, Ѳеодоръ волоколамскій и др. попали за грѣховныя „дѣла“ подъ судъ. По словамъ „Свободной Церкви“.

Энергичное судебное слѣдствіе, уже подтвердило преступныя дѣйствія нѣкоторыхъ владыкъ. Въ „Симоніи“—торговлѣ мѣстами священнослужителей—обвиняются митрополитъ Макарій и архіепископъ Іоакимъ. Архіепископу Василію и Макарію орловскому инкримируются злоупотребленія въ дѣлахъ хозяйственныхъ и строительныхъ. Епископамъ Димитрію и Ѳеодору угрожаетъ обвиненіе въ заговорѣ противъ новаго строя.

Особнякомъ стоитъ дѣло архіепископа Варнавы и епископа Исидора. Въ связи съ дѣломъ этихъ владыкъ находится разслѣдованіе дѣятельности убитаго Распутина, которое ведетъ спеціально командированный въ тобольскую губернію пред-

ставитель духовнаго вѣдомства.

Въ обширномъ уголовномъ матеріалѣ, собранномъ по дѣлу бывшаго орловскаго епископа Макарія Гнѣвушева, мы находимъ любопытныя бытовыя картинки изъ жизни за монастырской стѣной.

Небезызвѣстный Макарій Гнѣвушевъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ занималъ должность архимандрита московскаго Ново-Спасскаго монастыря.

Возводя цѣлый рядъ монастырскихъ построекъ, онъ систематически производилъ крупныя растраты монастырскихъ суммъ.

Когда растрата была обнаружена, то вмѣсто наказанія, проворовавшійся „отецъ“ былъ переведенъ по приказанію всесильнаго тогда Саблера епископомъ—викаріемъ въ Нижегородскую епархію.

Казначеемъ въ Ново-Спасскомъ монастырѣ былъ игуменъ Тихонъ, человѣкъ прямой и безупречной честности. Онъ всѣми способами противодѣйствовалъ хищническимъ поползновеніямъ какъ архимандрита Макарія, такъ и другихъ представителей иночествующей братіи, черной стаей окружавшей „баловня судьбы“. На этой почвѣ между Макаріемъ и Тихономъ происходили постоянныя и крайне бурныя столкновенія.

Скоро весь монастырь былъ взволнованъ слѣдующимъ необычайнымъ происшествіемъ. Игуменъ Тихонъ, къ счастію безъ опасности для жизни, отравился чаемъ, въ которомъ оказался ядъ.

Чай былъ отправленъ въ лабораторію для медицинскаго изслѣдованія. Объ отравленіи игумена Тихона московская синодальная контора поручила духовнымъ слѣдователямъ произвести разслѣдованіе, которое было закончено съ необыкновенной поспѣшностью. Не ожидая даже отвѣта отъ медицинскаго управленія, духовные слѣдователи быстро ликвидировали дѣло, вынеся по этому поводу такую резолюцію:

„Всѣ свидѣтели по дѣлу игумена Тихона допрошены, но такъ какъ отъ медицинскаго управленія результатовъ изслѣдованія чая не получено, и такъ какъ поэтому представляется неразрѣшеннымъ вопросъ, не отравился-ли игуменъ Тихонъ случайно, то считать дѣло законченнымъ и если получится отвѣтъ отъ медицинскаго управленія по поводу изслѣдованія, то бумагу съ отвѣтомъ пріобщить къ дѣлу“.

Черезъ нѣкоторое время отвѣтъ отъ медицинскаго управленія былъ полученъ. Изслѣдованіе устанавливало, что чай отравленъ стрихниномъ.

Московская синодальная контора вынесла тогда слѣдующую резолюцію: „Установлено, что въ Ново-Спасскомъ монастырѣ между монахами происходили постоянныя тренія, виною которыхъ былъ сварливый нравъ игумена Тихона. Но такъ какъ монахамъ не свойственно имѣть сварливаго нрава, то поставить на видъ игумену Тихону о необходимости исправить свое поведеніе и исправить свой нравъ“.

Интересно знать, какихъ „апостоловъ“ сіи „святители“ являются воспреемниками?

* * *

Въ томъ же № 14 „Свободной Церкви“ мы находимъ нѣсколько интересныхъ мыслей, относящихся къ вновь возстановленной смертной казни. Находя, что смертная казнь является единственнымъ и послѣднимъ средствомъ для спасенія стоящей на краю гибели отчизны, газета говоритъ:

То, на что въ свое время не рѣшился даже Николай Кровавый, это сдѣлали народныя массы, потерявшія всякое чувство любви къ Родинѣ,—массы, для сердца которыхъ умеръ Христосъ и въ сердцѣ которыхъ проснулся многоликій человѣкъ—звѣрь съ кровожадностью пантеры, съ трусостью зайца, съ быстротою лани и съ алчностью шакала.

Къ людямъ, стоящимъ передъ лицомъ смерти пришли другіе люди и выбили изъ подъ ихъ ногъ основу религіозной морали, у людей, стоящихъ предъ глазами смерти, люди отняли Христа и радость религіи. Изъ темныхъ глубинъ внутренняго „я“ люди вытащили все гладкое, низкое, алчное, пошлое, что раньше человѣкъ старательно пряталъ. „Вотъ твой законъ“! И что же получилось?!

Вмѣсто свободы совѣсти—свобода отъ всякой совѣсти.

Люди вышли въ бой съ крестомъ въ груди и съ мечомъ въ рукахъ. И когда выпалъ изъ груди крестъ. а благословенный крестъ,—крестъ матери и отца, потоптали грязныя ноги предателей и шептуновъ, какая сила осталась?!.. Никакой. И мечъ выпалъ изъ обезсиленной руки.

Выпавшій мечъ взялъ врагъ, и развѣ подумали сопротивляться солдаты, тѣ солдаты, которые покрыли армію неизгладимымъ, безпримѣрнымъ позоромъ. Нѣтъ. У нихъ была одна мораль. Христіанская? Нѣтъ. Соціалистическая?! Тоже нѣтъ. Изъ всѣхъ теорій они поняли одно: „своя рубашка ближе къ тѣлу“. Это поняли и это приняли, какъ лозунгъ, единственно нужный на потребу и едино-спасающій. Этотъ лозунгъ гналъ ихъ отъ пуль врага въ глубокій тылъ. Бѣги, бѣги... Скорѣе спасай свою „драгоцѣнную жизнь“, свою радость... Тамъ ждетъ тебя земля и воля...

Въ этотъ часъ не стало арміи. Воинскія части превратились въ безпорядочныя толпы, въ сотни тысячъ іудъ, которые, обгоняя и давя другъ друга, бѣжали, которые одинъ передъ другимъ на перебой старались предать отчизну.

Тогда начали увѣщевать, уговорить эту толпу и, наконецъ, приказывать ей.

Но было уже поздно. Развернувшіяся событія всѣмъ извѣстны. Кровь въ тылу и отсутствіе крови, предательское бѣгство на фронтѣ.

Спасая тѣхъ, кто шелъ впереди по чувству долга, пришлось пожертвовать частью тѣхъ, кто этотъ долгъ забылъ и убивалъ его въ другихъ,

Пришлось сказать: око за око и кровь за кровь.

И вотъ новая заповѣдь—заповѣдь послѣднихъ дней: Смертію да умрешь.

Смертная казнь возстановлена, но да здравствуетъ борьба противъ смертной казни, которую сейчасъ дозжны открыть всѣ живыя силы страны путемъ самаго широкаго выявленія въ народныхъ слояхъ завѣтовъ вселенскаго христіанства.

Все это такъ, только одно намъ не ясно: была ли вообще когда въ людяхъ, въ массѣ „основа религіозной морали“? Не носимся ли мы только съ видимостью религіи! Вѣдь только рожденныя свыше души могутъ быть вѣрны долгу и чести. Страшно жить въ наше время!..

По Россіи.

Высылка Николая II.

1 августа на разсвѣтѣ Николай Романовъ со всѣми членами своей семьи покинулъ Царское Село. День и часъ отъѣзда, установленный нѣсколько дней тому назадъ, держались въ строжайшемъ секретѣ и только немногія лица изъ числа царскосельской охраны и представители исполнительнаго комитета С. Р. и С. Д. знали о днѣ предстоящаго отъѣзда. Всѣ эти лица были связаны обязательствомъ соблюдать строжайшую тайну. Тѣмъ не менѣе слухи о томъ, что Николай Романовъ въ скоромъ времени долженъ будетъ покинуть Царское Село, циркулировали давно.

Въ моментъ переѣзда изъ Царскосельскаго дворца къ мѣсту стоянки поѣзда особенное волненіе выражали великія княжны, бывшая великая княжна Татьяна Николаевна задавала вопросы и интересовалась маршрутомъ, спрашивала будетъ ли ей предоставлена возможность заниматься благотворительной дѣятельностью на новомъ мѣстѣ. Старшая изъ дочерей бывшаго императора, быв-

шая великая княжна Ольга Николаевна, заявила, что какъ только онѣ прибудутъ на новое мѣсто, первымъ дѣломъ надо построить церковь и молиться Богу, и съ этимъ соглашалась бывшая царица. Присутствовавшіе ничего не отвѣчали на разспросы бывшей императорской четы, лишь А. Ф. Керенскій вступалъ съ ними въ дѣловые переговоры. Бывшій наслѣдникъ задавалъ вопросы, то А. Ф. Керенскому, то бывшему царю. Такъ, между прочимъ, выясняется, что бывшій царь еще въ тотъ моментъ, когда ему объявили о переводѣ изъ Царскаго Села, возбудилъ ходатайство назначить ему мѣстопребываніе въ Ливадіи. Въ этомъ бывшей императорской четѣ было отказано.

Бывшая императрица, которая почти все время молчала, только тогда, когда усѣлась въ поѣздъ, спросила,—будутъ-ли они обезпечены продовольствіемъ. Въ этомъ отношеніи бывшая императорская чета была успокоена; бывшей императрицѣ было указано что два вагона наполнены предметами продовольствія, и эти вагоны слѣдуютъ вмѣстѣ съ ними. Въ заключеніе бывшая царица и великія княжны просили военнаго и морского министра разрѣшить имъ переписку со своими петроградскими друзьями. Бывшей императорской четѣ было заявлено, что имъ будетъ разрѣшена переписка въ предѣлахъ цензуры. Сопровождавшія бывшую императорскую чету фрейлины спросили коменданта поѣзда, будетъ-ли имъ разрѣшено вернуться обратно. Комендантъ поѣзда заявилъ имъ, что это будетъ зависѣть отъ Временнаго Правительства. Бывшій императоръ, какъ передаютъ, совершилъ свой путь до вокзала молча, не проронивъ ни слова, и только на вокзалѣ за нѣсколько минутъ до отхода поѣзда онъ обратился къ А. Ф. Керенскому съ нѣсколькими фразами дѣлового характера, на которые также послѣдовали дѣловые отвѣты.

Поѣздъ бывшаго царя состоялъ изъ трехъ вагоновъ международнаго общества, одного вагона III класса, стоящихъ въ хвостѣ поѣзда. Кромѣ этихъ вагоновъ въ составѣ поѣзда былъ вагонъ-ресторанъ, багажный и вагонъ-кухня съ ледникомъ.

Причиной ссылки Николая II послужили событія на фронтѣ въ половинѣ іюля, угрожавшія приближеніемъ непріятеля къ Петрограду, а съ другой стороны неустойчивостью внутренняго положенія, что въ связи съ слухами о контръ-революціонныхъ замыслахъ нѣкоторыхъ группъ, создавали опасность, какъ для личной безопасности царской семьи, такъ и для возможнаго использованія Николая Романова для какой нибудь авантюры.

Первоначально правительство для ссылки Романовыхъ намѣтило Кострому, Пермь, Орелъ, Казань, Екатеринбургъ и Воронежъ; но всѣ они были признаны неудовлетворительными.

Официальное сообщеніе.

Временное правительство объявляетъ: по соображеніямъ государственной необходимости, правительство постановило находящихся подъ стражей бывшихъ императора и императрицу перевести въ мѣсто новаго пребыванія. Такимъ мѣстомъ назначенъ Тобольскъ, куда и отправлены бывшій императоръ и императрица съ соблюденіемъ всѣхъ мѣръ надлежащей охраны.

Вмѣстѣ съ бывшими императоромъ и императрицей на тѣхъ же условіяхъ отправились въ Тобольскъ, по собственному желанію, и ихъ дѣти и нѣкоторыя приближенныя имъ лица.

Министръ-Предсѣдатель **Керенскій.**

Дѣло Сухомлинова.

Дѣломъ Сухомлинова теперь открывается серія процессовъ той преступной шайки, которая именовалась сановниками и правительствомъ Николая II.

Фигура Сухомлинова—фигура совершенно опредѣленная. Это—человѣкъ, пользовавшійся особымъ расположеніемъ отрекшагося императора, связанный темными нитями съ казненнымъ предателемъ Мясоѣдовымъ, съ подлыми нѣмецкими интригами. Это—человѣкъ, который привелъ Россію на край гибели, который оставилъ армію безъ снарядовъ и ружей, который въ моментъ серьезной опасности нагло и открыто лгалъ Государственной Думѣ. Это—человѣкъ, на совѣсти котораго лежитъ отступленіе русской арміи въ 1915 году, затяжка войны на годы, на совѣсти котораго лежатъ милліоны человѣческихъ жизней, моря человѣческой крови, гибель и разореніе сотенъ тысячъ людей. Это—человѣкъ, который долженъ будетъ довольствоваться защитникомъ по назначенію, защитникомъ, противъ воли и совѣсти привязаннымъ къ процессу.

Процессъ Сухомлинова—это первый процессъ, на которомъ долженъ будетъ дать свой отвѣтъ одинъ изъ руководителей безотвѣтственной, предательской, самодержавной политики Николая II, приведшей страну къ позору и разоренію, распаду и разложенію, къ величайшимъ бѣдствіямъ, какія только были мыслимы. Процессъ Сухомлинова—это первый процессъ, на которомъ новая революціонная, демократическая Россія должна сказать свое властное слово, слово, которое прозвучитъ на всю Россію, на всю Европу, на весь цивилизованный міръ. Процессъ Сухомлинова—это первый процессъ новой, чистой, революціонной юстиціи, который долженъ заклеймить позоръ безпримѣрнаго преступленія.

Обвиненіе по дѣлу Сухомлинова—это голосъ народной Немезиды, голосъ, который долженъ прозвучать громко и властно, который долженъ выйти изъ самыхъ нѣдръ революціонной мысли, который долженъ пригвоздить къ позорному столбу преступника, предавшаго народъ въ моментъ смертельной опасности. Обвиненіе по дѣлу Сухомлинова—это обвиненіе, которое сама русская революція, которое революціонный народъ должны бросить въ лицо человѣку, на благополучіи этого народа построившему свое благополучіе, обманувшему этотъ народъ и продавшему его за чечевичную похлебку. (Своб. Сл.).

Мысли вслухъ.

Когда я былъ маленькимъ, то я больше всего боялся войны и землетрясенія.

Мнѣ казалось страшнымъ и нелѣпымъ; убивать по командѣ, убивать за одинъ разъ сотни, тысячи людей.

Изъ разсказовъ и картинокъ я видѣлъ ужасы наступленія, отступленія, разоренія и др. прелести войны.

Землетрясенія я боялся какъ бѣдствія, которое нельзя предупредить, и отъ котораго нѣтъ спасенія.

Теперь я возмужалъ, но чувства мои остались тѣ-же. Я и теперь, какъ прежде, уже не столько боюсь, какъ презираю войну.

Помню, первые дни настоящей войны я былъ въ Москвѣ: повсюду манифестаціи безъ конца.

Особенно запечатлѣлось въ моей памяти 20 іюля 1914 г. Было воскресеніе, дѣти Божіи были въ сборѣ; предстояло провожать нѣкоторыхъ братьевъ на фронтъ.

Я никогда не забуду молитвы одного уѣзжавшаго брата.

— Господи!—говорилъ онъ,—неужели Ты допустишь, чтобы дѣти Твои истребляли другъ друга? Услыши насъ, Отецъ небесный, усмири эту стихію.

Московская община всегда пользовалась особымъ вниманіемъ полиціи.

Богослуженія происходили при „торжественной обстановкѣ“, присутствовали: приставъ или его помощникъ, нарядъ полиціи, миссіонеръ и сыщикъ. Естественно, что при наличіи этихъ господъ говорить всего въ молитвахъ нельзя.

Но мы, вѣрующіе, чувствовали, что хотѣлъ сказать уѣзжавшій братъ и громко отвѣтили:

— *Аминь!*

Четвертый годъ длится кровавая бойня народовъ. Адъ на землѣ торжествуетъ побѣду!

Кто-бы могъ допустить въ началѣ войны, что она продлится три года.

Были войны, которыя длились и 30 лѣтъ. Но что общаго имѣютъ бывшіе войны съ настоящей? Развѣ названіе. Незамѣтно, день за днемъ, мы привыкли къ этому ужасу, привыкли къ лишеніямъ и недостаткамъ; насъ уже не возмущаютъ ужасы войны, мы спокойно приготовляемъ лазареты для раненыхъ, шьемъ протезы, работаемъ на оборону (хотя правильнѣе было бы сказать на войну), читаемъ газеты, полемизируемъ, высказываемъ свои мнѣнія относительно тѣхъ или иныхъ качествъ сражающихся, больше того, на страницахъ духовныхъ журналовъ нашихъ пишемъ:

— Солдаты въ окопы, мастеровые къ станкамъ!

Изъ Св. Писанія мы знаемъ, что есть ревность не поразсужденію.

Чѣмъ инымъ можно назвать работу нѣкоторыхъ лицъ, — старавшихся на перебой показать свой „патріотизмъ“.

Одинъ затѣялъ поднести Романову адресъ въ какой-то шкатулкѣ. Другой, во что бы то ни стало, хотѣлъ такъ же доказать патріотизмъ вѣрующихъ и собралъ для этой цѣли свѣдѣнія о всѣхъ братьяхъ, участвовавшихъ въ бояхъ, отличившихся, награжденныхъ „георгіемъ“ и т. д. Это рвеніе можно было бы хоть чуть оправдать, если бы ихъ трудъ увѣнчался успѣхомъ. Мы, вѣрующіе, никогда не были и не будемъ врагами своего отечества. Среди насъ не было предателей, измѣнниковъ.

Но, въ то же время, вѣрующіе не могутъ быть такими, какими хотѣли изобразить насъ нѣкоторые мужи. Наше стремленіе къ высшему, къ болѣе совершенному состоянію.

Два всемірныхъ конгресса говорятъ намъ, что мы — „всемірное братство“, у насъ не можетъ быть враговъ, кромѣ одного общаго врага—грѣха.

Мнѣ уже возражали, говоря: иначе поступать нельзя было, ибо преслѣдованія, которымъ мы подвергались, были чрезвычайны.

Пусть будетъ такъ, но тогда надо было бы молчать, ибо когда говорятъ языкомъ пушекъ, Евангеліе умолкаетъ.

Какъ мы ни старались показать себя лойяльными, намъ не вѣрили.

Наши враги хорошо знали насъ, знали нашу силу, организованность, хорошо знали наши завѣты и стремленія, чтобы повѣрить *въ нашъ узкій „патріотизмъ“*.

И этими строками я посылаю, быть можетъ, запоздалый упрекъ тѣмъ, кто устно или печатно въ годину испытаній склонялся или склонялъ другихъ показывать и выражать „чувства“, чуждыя нашему вѣрованію.

Мы, современники, далеко не похожи на тѣхъ нашихъ вожаковъ, которые ни подъ какимъ видомъ не соглашались склониться подъ ярмо чуждаго имъ убѣжденія.

Правда, тогда съ ними торговались: „Откажись отъ вѣры, не проповѣдуй и ты свободенъ“.

Теперь съ нами не говорили, брали и ссылали, а собранія закрывали.

Но и послѣ переворота я слышалъ рѣчи братьевъ, которыя мало чѣмъ отличались отъ старыхъ рѣчей...

Недомыслія еще много вокругъ насъ!

* * *

Скоро исполнится полгода какъ мы живемъ при обновленномъ строѣ и мнѣ все кажется: мы не можемъ придти въ себя, мечемся изъ угла въ уголъ, пристраиваемся, но жизнь не медлитъ.

Хотя мы первые изъ вѣрующихъ созвали съѣздъ, но особеннаго ничего не получилось.

Мы попрежнему оторваны одинъ отъ другого, нѣтъ ничего связующаго наши мысли, нашу духовную жизнь....

Но-прочь уныніе, за дѣло, братья, время не ждетъ!

Не будемъ отчаиваться, дружнѣе сомкнемъ наши ряды.

Кто къ чему призванъ, пусть дѣлаетъ свое дѣло.

Богъ поможетъ! мы внесемъ свой посильный трудъ въ наше святое и правое дѣло. Могучимъ и сильнымъ союзникомъ въ этомъ будетъ печатное слово.

Не слышите-ли вы, братья, призывы дать, прислать Евангеліе, Библію, брошюру, а гдѣ онѣ, ихъ нѣтъ. Насталъ духовный голодъ и до тѣхъ поръ, пока наладится дѣло печатанія книгъ Св. Писанія —наши журналы должны работать безъ-устали.

Нужно наладить, повозможности, правильный и и своевременный выходъ журналовъ.

„Слово Истины“, печатающееся въ собственный типографіи, можетъ использовать готовые наборы для отпечатанія статей призывного характера и тѣмъ, хоть отчасти, удовлетворить нужду.

Но все это возможно при дружной поддержкѣ всѣхъ насъ, поддержки нравственной и матеріальной, словомъ и дѣломъ.

Baptist.

На Нивѣ Божіей.

Мушкетово, Донск. обл. Бр. М. Моревъ сообщаетъ: На 2-й день Пятидесятницы на Григорьевскомъ рудникѣ состоялся съѣздъ 27 пунктовъ Гришино-Орловской общины. Большія собранія происходили въ Народномъ домѣ, куда раньше никакъ нельзя было проникнуть. Теперь время измѣнилось и умолкла клевета на баптистовъ, которыхъ считали чуть ли не измѣнниками. Въ тотъ же день чрезъ крещеніе были приняты въ общину 27 братьевъ и 21 сестра. Весь берегъ былъ усѣянъ народомъ, который внимательно слушалъ проповѣдь бр. А. М. Букреева, совершавшаго крещеніе и указавшаго на счастье вѣрующихъ, что имъ уже не нужно бояться полицейскихъ и поповъ, и что они открыто могутъ засвидѣтельствовать предъ міромъ о своемъ упованіи. Во время крещенія пѣлъ хоръ Горловской общ. подъ управленіемъ бр. М. Дахова. Возвращались всѣ домой, радуясь...

ВѢРУЮЩІЕ НАБОРЩИКИ требуются. Предложенія адресовать въ Редакцію „СЛОВО ИСТИНЫ“.

ВѢРУЮЩАЯ БАРЫШНЯ ищетъ мѣсто домашней учительницы. Образованіе 8 классовъ гимназіи. Адресъ: Владикавказъ, Надтеречная ул., д. 8—Маріи Ивановнѣ САВЕЛЬЕВОЙ.

Издатель П. В. Павловъ. Типографія И-ва „Слово Истины“, Моховая, д. 28. Отвѣтственный редакторъ М. Д. Тимошенко.
Редакторъ В. Г. Павловъ.